

18+

СТЕПАН АНДРЕЕВИЧ ЗОТОВ
ЖЕНЯ ВЛАДИМИРОВНА ЕРМОЛОВА

ПРОБУЖДЕНИЕ

РУССКОЕ
КОСМИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ИМПЕРИУМ
ЧЕЛОВЕКА

Степан Зотов
Пробуждение

«Издательские решения»

Зотов С.

Пробуждение / С. Зотов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989407-6

Международная станция на Луне вступает в первый Контакт. Только чужой разум действительно чужд, а объятия Вселенной холодны. Мы искали и нашли, но готовы ли всерьез? У пробуждения высокая цена. Мир никогда не будет прежним.

ISBN 978-5-44-989407-6

© Зотов С.
© Издательские решения

Содержание

Находка	6
Объект	8
Кимо	12
Берг	14
Олаф	19
Наталья	22
Совещание	25
План	28
Сон	31
Ночь замысла	33
Поиск	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Пробуждение Степан Зотов Ксения Ермолова

*«Большое звёздное небо вернее называть Чёрным. Нам бросают
вызов не звёзды, нам бросает вызов эта древняя тьма...»*
Книга Империи

Дарья Карасёва *Дизайнер обложки*

Эмма Таназия *Редактор*

© Степан Зотов, 2020

© Ксения Ермолова, 2020

© Дарья Карасёва, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-9407-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Находка

2 февраля 2035,

Луна, Море Кризисов, Станция «Содружество»

– Семьдесят миллионов лет... – раздался протяжный голос оператора Вилье Астрома, будто он сам был до конца не уверен.

– Что?

– Прошу Вас подойти ко мне и посмотреть, – оператор медленно произносил каждое слово.

Начальник станции Нэш Джордан, плавно развернулся и пошел к оператору. Кончики его пальцев холодели. Произошло что-то важное. Вилье произнес «Вы», которого просто нет в английском, официальном языке миссии.¹

– Показывай, – он встал рядом с оператором и своим тоном хотел успокоить его. Начальник это хорошо, но в сканерах и мониторах главный специалист – француз.

– Просто посмотри на экран и скажи, что видишь. Это... визуальная проблема. Показания зонда бурения. Я... Я сейчас включу подсветку.

Само по себе это было очень странно. Доступный человеческому глазу спектр лучей крайне узок. Почти все приборы собирают данные сами. На экран выводят нужные параметры. Грубо говоря, «смотреть не на что». Визуальный контроль скорее для психологического комфорта экипажа. Нэш склонился над экраном. Холод поселился уже в груди. Экран показывал зернистое изображение того, во что уперся их зонд-копальщик. «Уперся» ключевое слово, экран словно прижимался щекой к стене. Тот еще ракурс.

– Я вижу плотное однородное препятствие. Металлический отлив. Необычно. Но в чем проблема? Возьми образец, сделаем химанализ, обсудим.

– Не могу. В этом всё дело.

– Что значит «не могу»? – Нэш знал свой экипаж давно, но разные нации рождали порой сложности в понимании. Французский юмор не исключение. – Это особая шутка?

– Капитан, похоже, что я шучу? – «Капитаном» его звали по традиции, официальная должность так не звучит. К грунту они намертво привязаны, станция уже не корабль. – Зонд не может взять образец ни одним из доступных способов. Хроматический, спектральный, любой анализ ничего не показывает. – Вилье развел руками.

– Лазер? – Нэш развернулся к оператору лицом.

Встречный взгляд свидетельствовал, что этот и все последующие дежурные вопросы неуместны. Шутками тут и не пахнет. Холод поднимался от груди к горлу.

– Ты не заметил еще одного. Знаю-знаю, ракурс «щекой по стене», но черт возьми, это и есть стена! Абсолютно ровная, плоская поверхность, в ней нет ничего от природы...

– Ты хочешь сказать... – Нэш не мог закончить.

– И это металл.

– Откуда ты знаешь, без анализа?

– Чувствую. Это же маскон. Должен быть. В этом море точно. Это он создает гравитационную и магнитную аномалию.²

Двое мужчин застыли в молчании перед экраном. Один из них должен был что-то решить. Мгновения утекали со скрипом. Серая стена на экране застыла. Вдруг, по ней словно прошла волна. Изнутри. Нэш сглотнул, шумно, как ему самому казалось.

¹ Вилье использовал французское слово «vous».

² Маскон (от англ. mass concentration – «концентрация массы») – регион литосферы планеты или естественного спутника, вызывающий положительные гравитационные аномалии.

– Ты это видел?

– Не уверен. – Судя по тому, что Вилье не спросил «Что?», всё он видел!

– Так, ладно, действуем как разумные люди. По протоколу. – В этот момент Нэш остро пожалел, что протоколы есть для чего угодно, даже для похода в мужник. Кроме таких случаев, мать его... – Очисти зону контакта с объектом, увеличь фокусное расстояние, сделай серию фото. Если можем изучать только визуально, так и сделаем.

– Остальные...

– Сообщим, когда увидим фото. Выполняй.

Нэш отошел от экрана и устремил взор в иллюминатор. Делал вид, что думает и принимает командирские решения. На самом деле он просто ждал и слушал. Слушал, как бухает кровь в его голове. Бух-бух-бух. Попытался взять себя в руки. Собственно, что с ним? Им же ничего не угрожает. Напротив, находка сулит славу, успех, бессмертие... Нэш не был трусом или глупцом. Он заслуженно стал капитаном. Но иногда мы встречаем что-то такое, «неправильное», когда ты чувствуешь, что все твои знания, опыт и здравомыслие ничего не стоят. Этот кусок «стены» определенно был очень, очень неправильным. Ничего рационального, какое-то первобытное чутье. Он надеялся, но не верил, что фотографии помогут.

– Готово. Вывожу на обзорный экран.

Оба подошли к плоскому «телевизору», на котором качество изображения будет максимальным. Фотографии одна за другой менялись на экране, в полном цвете, под разными углами. Мужчины смотрели внимательно, даже чуть приоткрыв рты. Каждый боялся сказать первым. Будто слова, это последний барьер перед невероятным.

– Это металл, – должен был признать очевидное Нэш.

– Живой металл... – прошептал Вилье.

Нэш хотел оборвать его, приказать не молоть чушь, но слова застряли в горле. Конечно, он не был согласен, и не собирался поддерживать эту фантазию. Просто не смог возразить. Возможно, потому, что на фотографиях, во всей красе перед ними крутилась идеально ровная поверхность сияющей «стали». Словно на выставке металлургов. Да, чёрт, даже чище. Точно в комиксе, где сияние отмечают рисунком «искры». Вместо отповеди он сказал совершенно другое, что невольно пришло на ум.

– Ты ошибся в самом начале.

– Где? – зачарованно переспросил француз. Его усы смешно шевелились, отдельно от мимики лица.

– Про семьдесят миллионов лет. Это возраст породы сверху.

Объект не только отражал свет, он дышал свежестью. Они переглянулись, Нэш знал, что его уже поняли, что фразу можно не заканчивать. Держать в себе было невозможно, слова лились из него.

– Судя по виду этой штуки, она может быть старше... Бесконечно старше.

Объект

«У страха нет имени. Всё названное – лишь рабочая проблема»

3 февраля 2035, Станция «Содружество»

Официальное название не прижилось. Была просто «Станция». За неимением других. Первая в истории человечества постоянная зона обитания на Луне. Первая постройка. Шесть блоков были доставлены шестью отдельными стартами с разных концов Земли. Экипаж, также шесть человек, еще двумя стартами. Рекордная по стоимости космическая программа. Главная цель проекта под стать – подготовка колонизации искусственного спутника. Разведка места, геологии, радиационного фона, число научных и практических задач было огромным. Внимание мира было приковано к работе экипажа. Могучие средства связи превратили жизнь Станции в подобие театра, а когда начинается представление, многое перестает быть тем, чем кажется.

Кроме американца, «капитана» – начальника станции, и француза – оператора электронных систем, экипаж включал четверых. Китайянку Кимо Шан – врача и биолога. Немца Адольфа Берга – геолога и горного инженера. Русскую Наталью Ланову – пилота первого корабля с людьми. Шведа Олафа Свенсона – пилота второго. Оба пилота имели дополнительную подготовку по работе с различным оборудованием Станции, могли ограниченно дублировать товарищей. Плановый срок миссии – год. В случае успеха, дольше. На «земле» оставаться только пилотом было нельзя.

Капитан взял на себя ответственность сообщить команде новости за традиционным совместным завтраком, утром следующего дня. Вся команда собиралась за одним столом. Питание в Космосе шагнуло далеко вперед от тубиков с пастой. Да и на Станции была какая-никакая, но гравитация! Можно было не опасаться, что трапеза начнет летать по сторонам. Ограничением оставался только объем и масса в транспорте. Питательные наборы стали выглядеть как плотные цилиндры, которые можно было есть ножом и вилкой, а можно было растопить до супа. При желании удавалось найти в них даже кусочки мяса. Команда обсуждала и понимала, что с освоением запасов воды на Луне, трапеза станет почти домашней. В данный момент питательных цилиндров хватило бы на оставшийся год. Когда Кимо докладывала об этом, в мыслях порой мелькало то, что она умалчивала: «Из расчета на шесть здоровых членов экипажа».

Капитан часто сообщал во время завтрака новые вводные с Земли (для команды она была «Центром управления заданием» или просто «Центром»), давал поручения или шутил шутки. Блондин, с высоким лбом и крупными чертами лица, слегка за сорок, он был типичным американским «славным парнем». Когда он поднялся со своего места в этот день, никто даже не оторвался от еды. Вилье, долговязый кудрявый «очкарик», также порой вставал, чтобы сообщить менее официальные новости. Бывало, что и вместе с капитаном. Неладное можно было заподозрить, когда оба встали, помялись и посмотрели друг на друга, словно еще не решив, кто начнет. Неладное было в мелком движении кадыка на шее капитана, когда он, по долгу службы, начал свою речь.

– Друзья, у меня есть новости. Не из Центра.

В этот момент трапезу прервала вся команда. Взоры обратились к нему. Такой фразы раньше не было. Значит, что-то произошло на Станции. По лицу капитана было ясно, не праздник. Поскольку никто сам не знал никаких новостей, каждый невольно напрягся. «Вдруг на его участке...».

– Вчера автоматический зонд-бурильщик под управлением Вилье обнаружил... нечто необычное. Прошу внимание на экран.

По команде оператора экран послушно отобразил вчерашние снимки. Нэш на миг затаил дыхание. Вчерашний мерзкий холод и ощущение «неправильности» не вернулись. В окружении команды фотографии казались обычным рабочим материалом. «Вот и славно, скорей бы забыть...». Вилье рядом тоже заметно напрягся, а затем расслабился.

– За неимением лучшего имени, будем называть находку «Объектом». Он не поддается никаким аппаратным видам анализа. Еще раз, никаким. – Тут Нэш сделал паузу и многозначительно посмотрел на геолога Берга, прежде всего, – Имеет абсолютно ровную поверхность в наблюдаемой зоне. Абсолютно. Кхм.

Капитан повторился как сам не свой. Еще одна пауза была бы просто смешной, и он продолжал.

– Мы с Вилье хотим вынести на обсуждение команды саму находку. А также дальнейший курс действий.

– Вероятно, объект составляет основу маскона, на краю которого мы находимся. Но я не геолог, могу ошибаться, – вступил Вилье, – И еще... – тут капитан с ужасом подумал, что сейчас услышит про «живой металл» и волну, которая ему, должно быть, показалась. Он не резко, но подчеркнуто повернул голову к оператору, – Да, и еще, всё-таки с добрым утром, – завершил Вилье и неловко улыбнулся.

Некоторое время царил тишина. Наталья по-детски щурила глаза и вытягивала шею к экрану, стремясь лучше рассмотреть изображение. Берг стучал пальцами по столу и морщил лоб. Кимо будто зависла. Олаф улыбался, находка его радовала. Еще бы, они здесь недавно, а уже что-то необычное. Что-то впервые! Он и нарушил молчание.

– В Центр уже сообщили? – за глаза товарищи звали его «рыжий викинг», потому что именно так он и выглядел. За несколько лет до полета он бы просто не прошел отбор по размеру. Длинные космы, короткая, но плотная борода, волосатая грудь, ничто не нарушало цельность образа. Правда, свирепым Олаф бывал разве что в шутку. По иронии, его облик и размеры сами гасили в других агрессию. Он привык быть добродушным и не умел иначе.

– В Центр мы сообщим после коллективной оценки события, – спокойно ответил Капитан.

– У меня плохое предчувствие, – Кимо шумно выдохнула, как вынырнула из глубины своих мыслей. Товарищи повернулись к ней, но развить тему помешал Берг. Подтянутый, холодный, черноволосый немец с острыми скулами и серыми глазами.

– Полагаю, коллективная оценка не заключается в обмене «чуйками», или «мамой клянусь, это хороший улов». – Он часто переходил на немецкие фразочки, но все понимали суть. – Капитан ждет от меня заключения специалиста? Вдруг на Земле мне уже приходилось иметь дело с серыми стенами металла, которые не поддаются ни одному виду анализа. – Берг не улыбался, но саркастически играл глазами. Он славился своим едким юмором и, чаще всего, был, действительно, в этом неплох.

– Берг, дело серьезное, не до шуток. – Вилье вступил в беседу, оживляя расхожий стереотип о грызне «лягушатников» и «капустников». Что вообще-то было на него совсем не похоже.

– Конечно, ведь мы столкнулись с, погодите-ка, примерно квадратным метром неизвестного «металла» под поверхностью Луны. И вчера вечером один зонд не смог корректно взять с него пробу. Я ничего не упустил? Вы попытались взять пробу в другом месте? Проверили исправность зонда и системы управления? Попросили меня это сделать или спросили совета? Вопросы риторические. Если бы сделали, уже сказали. Или я неправ?

Капитан и Вилье молчали. Они одновременно почувствовали себя детьми. Ведь это совершенно разумные вопросы. Им стало стыдно за свои чувства вчера и за дилетантскую постановку задачи. В самом деле, какого чёрта? Оба знали ответ, но каждому немисливо было делиться первым. Пауза тянулась.

– А ведь Берг совершенно прав. – Наталья откинулась на спинку стула и свела руки за головой. Красоваться она умела, и было чем.

При её словах немец начал бурчать «Как всегда...», но тут же осекся,

– И Кимо совершенно права. – Тут она улыбнулась кончиками губ и с озорным прищуром посмотрела на удивленные лица товарищей. – Здесь что-то не так. Из ряда вон. И речь не только о нашей женской интуиции.

Капитан позволил себе облегченно вздохнуть. Любая поддержка со стороны снижала бремя его и Вилье. Оправдывала их странное поведение. Однако Наталья не остановилась.

– Берг всё разумно разложил, как часто и бывает. А вот что часто не бывает, так это неразумность в действиях нашего Капитана. Я говорю со всем уважением. Еще более странно, что неразумность охватила сразу и Вилье. Горячего француза, но оператора холодных машин. – Она обвела острыми зелёными глазами команду и увидела понимание. – В самом деле, находка значимая, необычная. Но в сущности ничего такого, что требовало бы коллективного мнения, прежде доклада в Центр. Вы понимаете, о чем я? – она сделала ударение на слово «мнение» и, разжав руки, наклонилась вперёд над столом.

Кимо кивала изо всех сил. Олаф бормотал «В самом деле, странно...». Берг самодовольно глядел в духе «я же говорил». Капитан твердо смотрел в глаза Наталье и думал «Чертовка!». Вилье сжал губы, но всё еще ждал, чтобы эта женщина сама сказала нужные слова.

– Я о том, что, должно быть, нам передали не всю историю. Капитан, колись! – она улыбалась, принимая вызов его прямого взгляда. Ей была свойственна эта игривость, временами то детская, то женская или кошачья. Порой она выводила из себя, порой могла очаровать. К чести Натальи, она видела границы. Иначе кто знает, что началось бы в замкнутом коллективе.

Наталья азартно смотрела на Капитана. Остальные – с ожиданием. Напрасно было бы искать поддержки у Вилье. Сейчас всё зависело от Нэша. Он улыбнулся и решил сделать «хорошее лицо при плохой игре». В конце концов, «честность – лучшая политика».

– Вас не проведешь. Не буду вилять, сами не знаем, что на нас нашло. Да, Вилье? – Он так посмотрел на француза, что не кивнуть в ответ было нельзя. – Америка славится своей традицией фильмов ужасов, и я сейчас хочу её порвать. Скажу всё прямо, не тая.

После слов «фильмы ужасов» вокруг сразу изменилась обстановка. Ушел заряд недоверия и неопределенности. Команда собралась и поняла, что разговор пойдет абсолютно серьезно. На Капитана смотрели четыре профессионала, космонавта. И в данный момент это было облегчением.

– Вчера вечером кроме аппаратных странностей, которые мы не до конца проверили, Берг совершенно прав – произошло еще кое-что. – Капитан сделал уместную паузу, – Я видел, или мне показалось, как по поверхности Объекта прошла волна. Вилье тоже это видел. Не станешь возражать? – тот помотал головой, опустив глаза в пол. – Более того, он назвал материал «живым металлом...». И в тот момент я не смог ему возразить. Тогда же мы осознали, что это нечто лежит под песками Луны более семидесяти миллионов лет.

– И всё еще живо... – прошептал Вилье. Но его услышали.

– Должно быть, это помешало нам мыслить и действовать трезво.

Ответом была тишина. Сказанное было так неожиданно, что каждому нужно было время.

– Сегодня, утром и на свежую голову, я прекрасно понимаю, как это звучит. Как ваш капитан должен просить прощения за нехватку хватки. – Нэш улыбнулся своей шутке и вновь начинал чувствовать себя хозяином положения. Но тут от смеха взорвался Берг. Он надул щеки, прыснул и затем расхохотался как последний раз в жизни. На его обычно серьезном лице это было само по себе так несуразно, что по цепочке улыбаться стали все. Между приступами смеха Берга проскальзывали обрывки немецких словечек типа «мать...» и «Бог...». Обстановка разрядилась, но капитан не радовался. Лучше бы смеялся кто-то еще. Кто угодно.

– Да я ушам своим не верю. Мне много лет приходилось работать с шахтерами. И если на вас произвело такое впечатление «это», то я лучше не буду вам рассказывать горные байки. Штанов и таблеток не хватит. Если бы я хоть на секунду верил рассказам парней о том, что им «показалось» в шахте или они «почувствовали», ноги моей не было бы под землей, а крыши – на голове. – Немец был в ударе, чуть не светился, – и я не для того улетал на космическом корабле с родной планеты, чтобы моей работе мешали уже «лунные байки» и «живой металл», который почуял носом француз.

– Дружище, остынь. – Добрый викинг Олаф не остался в стороне. – Кэп рассказал нам то, что каждый хотел бы держать при себе. Я тоже видел американские фильмы ужасов, и ты сейчас играешь по их правилам. «Герой поделился с друзьями, а они ему не поверили». Если честно, находка внушала мне оптимизм. Но я достаточно уважаю своих товарищей, чтобы не списывать их чутье со счета.

– Благодарю, Олаф. Достаточно. – Капитан хотел контролировать процесс. – Прошу вернуться в профессиональное русло. Теперь вы знаете всё до конца. Благодарю за помощь и свежий взгляд. Вот моё решение, надеюсь, возражений не будет? – Он обвел взглядом всех и убедился, что, как минимум, его слушают внимательно. – Берг совершенно прав, необходимо проверить оборудование, произвести дополнительные измерения в других точках, составить максимально полную картину. Прежде, чем сообщать в Центр: «Мы что-то нашли и на этом всё». Наталья и Берг, Вилье – на эту задачу. Докладывать мне о ходе работ при любых новых вводных. Остальные – по расписанию Станции. В личных сеансах связи, записях, о нашей беседе и Объекте пока никак не упоминать.

– Йесть, сэр. – Слишком уж бойко салютовала Наталья. Нэш так и не научился читать её улыбки. Берг хмуро кивнул. Экипаж молча начал расходиться. Кроме Кимо, она сидела истуканом. Глаза её округлились, и на фоне всех разговоров об ужасах она выглядела довольно жутко.

– Капитан. Нам надо улетать. Я чуяла тень смерти от Объекта еще до вашего признания. Теперь не сомневаюсь. Вы не можете послушать меня, прекрасно понимаю. Но и я не могу молчать. Я многое умею... чувствовать. Не забудьте мои слова.

После этих слов она ступевалась. Торопливо поднялась и ушла в свой отсек. Этот монолог был едва ли не самым долгим за всю историю её работы в команде. Она была прекрасным врачом, и космонавты знали по себе, что она умела «чувствовать» диагноз до включения приборов. Красноречие к её талантам не относилось. Она слушала, наблюдала, помогала, когда надо. Возилась со своей живностью и зеленью в отсеке. Всегда знала всё, что касается её работы. Указывать другим, что делать, тем более всей команде, такое было впервые.

– Еще один классический персонаж. – Сказала ей вслед Наталья. – Тот, кто всех предупреждал. Она снова улыбалась. Нэш готов был поклясться, что у этой ведьмы найдется особая улыбка и на похоронах.

Кимо

*«У каждого из нас есть свои непостижимые странности,
скрытые в тайниках души, и они ждут только благоприятного случая,
чтобы прорваться наружу»*

Чарльз Диккенс.

Повесть о двух городах

3 февраля 2035, Станция «Содружество»

Она была истинной дочерью Китая. Миниатюрная фигура, круглое личико, черные волосы, уложенные в каре. Тихая, скромная, исполнительная. Зеркальная противоположность Олафу во всём. Ей было комфортнее в тишине лаборатории, среди растений, животных, которых она понимала и любила. Заботилась. Будь у неё выбор, она бы не сидела в металлической коробке на мертвой планете, взаперти с командой из пяти человек. Но выбора не было. «Мертвой планете»... После этого утра есть все основания считать, что планета не так уж мертва. Но все её чувства шептали о том, что Объект делает Луну еще более мёртвой, чем скалы и реголит. Как это возможно? Чувства молчали.

Кимо попала в команду по воле судьбы, не иначе. Борьба за места на первой в истории Станции была жесткой. Китаю не могли отказать, с одной стороны. С другой, к моменту начала программы, в пилотируемой космонавтике Поднебесная еще отставала. Следовательно, место начальника, пилотов, не обсуждалось. Из того, что осталось, лучшей подготовкой обладала она, медик, ученый, биолог. Лучшей квалификацией, было бы точнее. Она и в мыслях не видела, что статных, мужественных «тайконавтов» обойдут выбором ради неё! Когда жребий был брошен, отказ не рассматривался как ответ. Родине нужен был герой, и она им стала.

Это не было преувеличением. Каждый член команды был связан с Землей, вел свой блог. Веление времени. Она не была самой популярной, но миллионы китайцев следили за её страничкой, комментировали и поддерживали. Говорят, лепили даже эротические картинки. Её это тяготило. Не то, чтобы она была непривлекательна. Напротив. Но лётный костюм – это не вечернее платье. И прилетела сюда она для другого. Связь с Землей была еще одним камнем на её душе.

Она спешила в свой отсек из кают-компания. Переживала, как бы на очередном сеансе не выдать волнения. Пропустить нельзя, совесть замучает. Дать бледный вид тоже. Напустить в отсек туману для антуража? Отличное решение. Она коснулась дверей и те мягко разошлись в стороны. Её окутал запах жизни, роста, питания, размножения. И разложения, неизбежно. Здесь было её царство. Она заботилась о растениях, насекомых и животных. Лучше слова не подберешь. Кормила и убирала автоматика. Кимо гладила, разговаривала, уделяла внимание, успокаивала. И приносила в жертву. Конечно, сама она старалась избегать этого образа даже в мыслях.

Все животные на станции предваряли человека. На них можно было испытывать запретное. Их подвергали долгой радиации, привносили в питание лунную пыль, ставили другие эксперименты. Кимо ставила. Она знала, что большая часть из них мучительна, меньшая – смертельна. Знала и потому еще более ласково нянчила своих питомцев, еще больше времени старалась провести с ними, пока это возможно. Человечество настолько привыкло к Земле, что буквально всё приходилось испытывать заново на Луне. Лекарства, питание, режимы дня и ночи. На основе её опытов будет защищена не одна диссертация. Кошки, собачки, крысы – самые крупные виды, кого удалось провезти. Чтобы испытать лекарства, животные должны болеть. Это тоже было в программе испытаний...

Хотя всё, что Кимо делала, служило жизни, это была будущая жизнь. «Жизнь после смерти», как она шутила про себя. Команда могла говорить что угодно, её руководители могли говорить что угодно, но всей глубиной женской природы она ощущала себя служителем тени. Мрачным Жнецом. Это главная причина, почему она не хотела лететь. Должна, но не хотела. Ведь её отказ не менял суть задачи, кто-то другой стал бы служителем храма. Да и не было у неё рациональных возражений. Только чувства. Она полетела. Остальная команда и не догадывалась. Просто не интересовались, какой была Кимо до полёта. А стоило. Она была жизне-радостной болтушкой-хохотушкой. В медицину пошла, чтобы лечить и спасать, детская мечта. Любой, кто видел «земную» Кимо, сразу сказал бы, что с ней что-то серьезно не так.

Молчаливой, чудаковатой, замкнутой она стала после получения задания, в ходе исполнения – тем более. Её отсек был полон цветов, красок и звуков, самый яркий на Станции. Но себя она видела королевой теней, Персефоной, супругой Аида. Она молчала, потому что её бы не поняли, стали жалеть, а то и просто списали. Кто-то другой, вероятно, так же легко вводил бы кошке вирусы, как гладил за ушком. Но она была не кто-то другой. Это грызло её изнутри, подтачивало нервы самым основательным образом.

«Я чуяла тень смерти от Объекта...» – повторяла она свои слова. Только что не стихами. Она чуяла тень смерти везде, с недавних пор. «Не схожу ли я с ума? Или, обратно, чувствую тоньше других? Вижу ясней?» – как ученый она имела разные версии. «Или как псих». Кимо совершила свой утренний ритуальный обход живности. Погладила и приласкала каждого. Под конец достала из пластиковой коробки рыжего кота Грома, взяла на руки и села за стол. Перед ней был иллюминатор с видом на часть Луны и огромное небо. Небо вообще огромное. Об этом часто забывают потому, что живут среди построек. Когда их нет, оно заполняет собой всё.

Кимо гладила Грома по спинке, слушала его мурчание, а взор её терялся в звёздной черноте. Теперь она думала, что это очень интересный образ, «звёздная чернота». Как будто звёзды и пропасть между ними – одно целое. Внезапно, как озарение, на неё снизошло – «Так и есть!». И эта темнота тоже живая. Такая же живая, как Объект, который парадоксальным образом делает Луну еще более «безжизненной»...? Да. Но живое, это она понимала. У живого есть свои законы. Свои повадки. Их можно изучить, понять и полюбить. Полюбить черноту... какая мысль! Кимо улыбалась сама себе, механически глядя кота и покачиваясь.

Её снимала камера, как и в любом отсеке. Жаль, что никто не посмотрел рабочие записи. Тогда возможно, судьба Станции сложилась бы иначе. Потому что объектив снимал потустороннюю картину женщины, которая беседует сама с собой, глядя в черное небо пустыми, невидящими глазами.

Берг

*«Умные всегда с большим подозрением взирали и на ангелов,
и на демонов толпы»*

Томас Бабингтон Маколей

3 февраля 2035, Станция «Содружество»

– Пасмурный сегодня выдался день, правда, Роберт? – По-праздничному одетая женщина поежилась и поправила ворот своего пальто. Ее муж молча кивнул и тихонько сжал в руке ладошку своего сынишки.

День действительно не очень соответствовал знаменательному событию в семье. Тяжелые тучи нависли над Кельнским собором, будто цепляясь за его высокие башни. Дождь еще не начался, однако в воздухе веяло сыростью и прохладой. Семейство остановилось возле входа в собор. Женщина наклонилась и поцеловала мальчика в лоб, едва сдерживая слезы.

– Луиза, полно, все будет хорошо. – Голос мужчины был мягким и ласковым. Облегченно выдохнув, он отворил тяжелую дверь.

В соборе было немногочисленно. Лишь небольшая туристическая группа правоверных католиков из Дании и певчие из приходского хора, тихо разучивающие новые мелодии. Улыбнувшись одному из министрантов, Луиза провела сына в исповедальню. Тот, проверив пуговицы на пиджаке, послушно вошел, сел на скамейку и закрыл за собой дверь.

– Здравствуйте, святой отец.

– Здравствуй, Адольф. Что ж, спешу тебя поздравить с твоей первой исповедью. – Голос священника был приятным. Мальчик не видел его лица за деревянной решеткой, однако ему было вполне уютно.

– Спасибо, святой отец.

– Я хорошо знаю твоих родителей, вижу их каждое воскресенье, и на причастии тоже. Тебе нравится слушать проповеди, ходить на служения? Знаешь, Берг, ведь это я крестил тебя когда-то.

– Не знаю. Маме нравится, и мне, наверное, тоже. Поют красиво. – Мальчик почувствовал, что святой отец улыбнулся.

– Это уже хорошо, Адольф. Ты знаешь, почему ты сегодня здесь?

– Потому что родители привели меня.

– Потому что ты уже большой. Отныне ты будешь оценивать свои поступки в глазах нашего господина. Перед каждым своим делом ты должен подумать, угодно ли это ему. Ведь он всегда находится со своими детьми, видит с неба каждого.

– Простите, падре, но я не очень в это верю.

– Не веришь во что? – Голос священнослужителя немного охладел.

– Не верю, что там, в небе кто-то есть. Вы знаете, как говорил герр Гагарин? – мальчик оживленно заерзал на своей скамье, ожидая похвалы святого отца за свои знания.

– Мы все участвуем в служении господу, живем в угоду ему и добру, чтобы однажды встретиться на небесах, Адольф.

– А вот если бы бога кто-нибудь мог увидеть, или хотя бы ангелов, их же никто не видел, так?

– Это просто мечта, милый мальчик.

– Цель без плана – это просто мечта.

Священнослужитель громко рассмеялся и заботливо провел рукой по перегородке исповедальни.

– Так что же, Адольф, у тебя есть план?

– Да, святой отец, есть. Я сам отправлюсь в космос и посмотрю, есть ли там кто-нибудь. А если увижу, я вам расскажу, хорошо? – Мальчик бодро спрыгнул со скамьи и потянул ручку двери.

– Постой, как же исповедь?

– Исповедь? – он на секунду замялся. – А, да. Я вчера кота ногой ударил. До свидания, падре.

С широкой улыбкой родители встретили мальчика. Мать гладила его по голове и целовала в щеки, а Роберт взглянул на вышедшего из исповедальни священника. Тот лишь качал головой.

Вообще-то его имя было Адольф, но фамилия так хорошо звучала и соответствовала роду занятий, что стала, по сути, прозвищем. Он одобрял. Это соответствовало его представлениям о профессионализме, эффективности. Имя-призвание. Берг ощущал превосходство. Не потому, что был немцем, а потому, что считал себя специалистом высочайшего класса. Гордиться кровью смешно. Немцев миллионы, он такой – один. Единственный, кто прошел отбор и от кого, на самом деле, зависит успех миссии. Разведка и планирование постройки Лунной Базы. Он знал это. Команда знала это. Не было нужды говорить.³

Для этой цели было заранее выбрано место посадки. На берегу Моря Кризисов, возле большой естественной пещеры. Ущелья, провала. Как ни назови, суть в том, что строить в замкнутом пространстве будет проще. И безопаснее. Ведь поверхность луны покрыта кратерами не случайно. Маскон хоть и создавал фактор неопределенности в экспедиции, служил источником потенциальных открытий, добычи полезных ископаемых, металлов... «Что же, по части открытий и металлов план, кажется, уже выполнен», – ухмылялся он про себя. Капитан его разочаровал. Поддаться таким базовым эмоциям! Космос не место для слабых. Если на то пошло, Берг считал, что жизнь – не место для слабых.

«Вилье не разочаровал только потому, что с ним и так всё ясно», – думал немец, подходя к консоли оператора зондов. Он изучил запись вчерашних работ. Вызвал трехмерный скан зоны разведки. Наметил точки перспективного бурения для оценки размера и проекции Объекта. Отправил на задание два зонда. Третий, вчерашний, втащили в ангар для диагностики. Вилье с Натальей последовательно разбирали его, проверяли каждую систему. Рутинная. Он сделал вид, что контролирует движение зондов. Это было излишне. Коллеги это понимали. Но как старший инженер он имел право наделять свои занятия глубоким тайным смыслом. И пользовался этой привилегией. Один из зондов направился в пещеру. В конце концов, там будет построена База. И если Объект создает проблемы, то вот здесь это критично.

Закинув ноги на консоль и попивая кофе, он любовался фигурой Натальи. Летный костюм был ей, что фиговый листок. Берг был слишком горд и сосредоточен на цели, чтобы увлекаться. Но раз так сложилось, грех не уделить внимания. Наталья ему нравилась, как человек и профессионал. «Она бы точно не стала прятаться за спину капитана и сказала правду». Решительность он ценил в людях больше всего. Делать, так делать. С ней бы он пошел в разведку. Её кошачий темперамент просто не трогал Берга. Ему было всё равно. Человек делает работу, а дальше пусть хоть ужом вьётся и шипит. Вот и сейчас он целиком доверял её заключению по зонду, когда Вилье одного даже слушать бы не стал.

Она это знала или чувствовала. Закончив работу, она подошла к консоли, аккуратно сбросила его ноги вниз и села напротив. Слегка растрепанные волосы, слегка расстегнутый ворот, слегка закатанные рукава. Всё так естественно и от того еще более... Стоп. Берг сосредоточился на деле. Хотя было уже поздно. Бесцеремонный сброс его ног прошел безнаказанно.

– Каково заключение диагностики? – взял он инициативу.

– Зонд в полном порядке. Если анализ провалился, это не аппаратная причина.

³ По-немецки «Berg» – это «гора».

– Остается человеческая, – заключил Берг. Вилье вспыхнул в ответ и уже начал открывать рот, как Наталья жестом его прервала. Он затих, что само по себе говорило о неформальной иерархии в команде.

– Возможно. Сначала мы должны увидеть успешный анализ. В твоём исполнении. – Тон Натальи был вельветом и сталью. – Почему бы нам не начать прямо сейчас?

– Только вас и ждал.

Почти правда. Берг не признался бы и себе, но его охватывала легкая нерешительность. «А вдруг не выгорит?». Промедление вышло произвольным. Он не подавал виду. Сначала аккуратно отправил третий зонд за первыми двумя. Затем вернулся ко второму, который зарывался в точку, ближайшую к месту вчерашней находки. В любую минуту он должен был снова упереться в Объект. Предположительно. Все трое молча ждали. Берг не ошибся, и второй зонд подал сигнал остановки. Серая стена. Непроходимая. Он протянул руки над консолью и стал по очереди отдавать команды. Газовый анализ. Спектральный. Попытка взять образец манипулятором. Лазер. Вилье чувствовал себя оскорбленным потому, что начали не с лазера. Значит, ему настолько не доверяли... Впрочем, Берг не остановился. Он долго менял углы контакта с Объектом, разгонял зонд и пытался взять образец «тараном». Даже вручную повысил предельную мощность луча, осушив батареи.

– Жажнем плазмой или и так ясно? – Наталья смотрела предельно серьезно.

– А мы можем? – промямлил Вилье. Если он об этом не знал, то его самооценка падала еще ниже.

– Нет. Она играет, как всегда. – Берг любил и понимал только свои шутки. – Успокойся.

Однако в его голосе пропала нотка снисхождения. Он говорил спокойно, задумчиво. Для него это было всё равно что «растерянно». Потому что впервые за долгие годы своей работы он должен был признать: перед ним загадка. Все виды анализа невозможны, объект абсолютно инертен. Его целостность нерушима.

– Смотрите! – голос Вилье сорвался. – Там!

В этот момент Наталья смотрела на Берга. Он ушел в раздумья. Когда они обернулись на экран, там всё было по-прежнему.

– Что?

– После лазера. Была «волна». Металл будто смыл попытки взлома!

– «Живой металл»? – начал Берг. Но на его руку легла рука Натальи.

– Довольно. До сих пор его история подтвердилась. Я вижу все основания верить словам Вилье. – Она долго и неотрывно смотрела в глаза немца. Тот первым отвел взгляд.

– Ты хочешь, чтобы мы также мямлили и тряслись? – Берг негодовал.

– Я сказала «верить словам». Как реагировать, зависит от нас. А факты таковы. Материал не поддается анализу и проявляет признаки самоорганизации. Пожалуйста, как профессионал, – она сделала ударение, – выдвини гипотезы, с которыми нам следует работать. – Закончив фразу, она скрестила руки на груди и заняла выжидательную позу.

– Надо доложить капитану! – восторженно воскликнул Вилье.

– Нет, дорогой Вилье. – В этот раз кошачий глаз Натальи обратился к французцу. – Мы доложим, когда узнаем что-то новое. Или хотя бы выдвинем рабочую гипотезу. – Она вновь развернулась к Бергу.

Вилье искренне удивлялся, почему эта женщина ведет себя и выглядит, будто единственная тут носит штаны. Сам факт, что удивление оставалось молчаливым, давал половину ответа. Однако дивиться тут было нечему. Из всей команды она была единственным пилотом по призванию. Человеком действия, не ученым или инженером. Более того, пилотом-женщиной. Отбор среди мужчин жесток. Чтобы их обойти, дева должна быть острее бритвы. Наталья победила честно. За штурвалом ты быстрый, или мертвый. Надо принимать решения и выпол-

нять их за доли секунды, без колебаний. Иногда рисковать, иногда идти напролом. Судьба Станции входила в зону турбулентности. Наталья была в своей стихии.

Берг отвернулся от них, сжав пальцы пирамидой. Он ушел в себя, погрузился в показания приборов. Нет зацепки, нет ошибки исполнителя, с которой можно начать расследование загадки. Он сам – исполнитель, сам не смог решить задачу. Его чувство профессиональной гордости задето. Надо успокоиться и мыслить последовательно. Извиниться перед Вилье? Много чести. Но если ты настоящий спец, то умеешь признавать и ошибки. Подниматься и идти дальше. Берг считал себя настоящим.

– Для гипотез всё еще мало данных. Не очень многое можно построить на том, что не получается. – Начал он рассуждать вслух. – Мы видим, что аппаратный анализ не работает. Проверили это. Убедились. Первая гипотеза, из очевидных, что таковы свойства Объекта.

– Сопротивляться анализу, нерушимость, замкнутость. Уже что-то. – Покачивала головой Наталья.

– Не совсем. – Она подняла брови. – Мы не можем судить о замкнутости, пока. Когда в бурении встречаются препятствие, его либо пробивают, либо ищут обход. Полагая, что препятствие не бесконечно, либо не однородно...

– В плане, что мы просто очень мало его изучили. Почти в одном месте оба контакта? – Вилье тоже был вовсе не глуп.

– Да. – Если Берг как-то и показал своё раскаяние, то ровным тоном ответа французу. – Надо расширить зону поиска. Возможно, он не везде такой... ровный. Изгибы, провалы, разломы – не знаю. В одном аспекте мы точно можем изучить Объект. – Выдержав драматическую паузу, он продолжил. – В Геометрическом.

– Можем его нарисовать? – Наталья улыбалась так, что не поймешь, смеется она или действительно поддерживает мысль.

– Вроде того. Пока недоступно содержание, можно заняться формой. – Он тоже улыбнулся ей под статью.

– Да там миллионы тонн породы, с нашими тремя зондами мы годами будем искать границы! – Вилье не был ярким оптимистом, но в беседе полезна каждая точка зрения. – Это же маскон. Объект космического масштаба. Геологического. Он может идти хоть до ядра. Рисовать устанем.

Беседа прервалась. Каждый обдумывал масштаб задачи. Только внимательная Наталья уже видела в глазах Берга огоньки. Это значило, что он чувствует решение и сейчас разродится. Она впервые видела его таким возбужденным. Будто раньше и не знала.

– Nein, nein, nein, meine Freunde – Он перешел на немецкий, символизируя высшую степень вдохновения. – Нам не понадобится рисовать сам Объект. Нам надо нарисовать пустоту, а это гораздо проще! Его всё равно, что нет, для приборов нет, понимаете? ⁴

– Не совсем, как можно нарисовать то, чего нет? – возразил Вилье.

– А я начинаю понимать, продолжай, Берг. – Наталья подалась вперед, шевеля пальцами рук в воздухе, словно рисуя «то, чего нет».

– Иногда в горном деле ты ищешь породу. А иногда – пустоты! Их определяют именно по отсутствию сопротивления. Воде, звуку, сигналу – чему угодно. Так и с нашим Объектом. У нас пока нет такого технического решения, но это несложно. Я смогу. Своего рода эхолокатор. Объект отразит любой сигнал, это мы про него точно знаем, а порода вокруг – нет. Вот и получится, что мы нарисуем карту породы вокруг условной «пустоты».

– Ясно. Но с эхолокацией у нас бедно. Сам понимаешь, безвоздушное пространство, – Вилье смешно шевелил усами, когда думал и переживал. Кроме того, это был его самый долгий нормальный диалог с Бергом!

⁴ «Нет, нет, нет, мои друзья» – нем.

– Да это образ. Мысли шире. Я разное попробую. Радиолокация тоже годится. На худой конец, если до этого дойдет – сейсмография. Взорвем что-нибудь и снимем карту колебаний. – Берг пылал.

– Я не уверена, что это входит в рамки здорового энтузиазма. – Пальцы Натальи замерли в воздухе, она цокнула языком. – Пожалуй, теперь точно пора доложить капитану.

Берг сник. Пристально посмотрел на женщину и как-то особенно тихо сказал.

– Брось, ведьма, ты хочешь этого так же, как и я.

Наталью впервые называли «ведьмой» вслух. На Станции. Это было так неожиданно, и в то же время так метко, что она опешила и ничего не ответила.

– Я скажу вам больше. Меня сейчас осенило. Мы несколько раз произнесли «аппаратные методы анализа». Так ведь есть и другие!

– Подожди, ты же сам был против «чужек» и «мамой клянусь», – попытался смягчить момент Вилье.

– Да, когда верил в машины. Это время прошло. Кроме того, у нас есть зверушки Кимо, проверка реакции живых тканей. И последний аргумент – прямой контакт с человеком!

Хотя все понимали, что он имеет в виду выход со Станции в скафандрах, прозвучало это зловеще. Почувствовал это и Берг.

– Для такого, конечно, нужно будет общее обсуждение. Идите, докладывайте. Я начну работу.

Он развернулся к консоли, ясно закончив беседу. Наталья и Вилье словно стряхнули морок, плавно встали и двинулись в командный отсек. Каждый со своими мыслями.

* * *

Олаф

«Смелость – начало победы»

Плутарх

3 февраля 2035, Станция «Содружество»

– Бежим, скорей! Нельс, Стефан, не отставайте!

Четверо мальчишек бежали вниз по склону, воинственно размахивая палками и сшибая ими только что распустившиеся бутоны полевых цветов. Молодая трава нещадно хватала их за ноги, но они упрямо продолжали свой путь. Олаф споткнулся о небольшой валун, но быстро встал на ноги, тряхнул светло-рыжей копной кудрявых волос и, расправив руки, словно крылья орла, побежал вниз по склону вслед за друзьями. Часто моргая и щурясь, он смотрел на солнце и представлял, что летит ему навстречу, в его жаркие объятия.

– Отважные рыцари, я вижу рельсы. Сложите оружие и ждите прибытия поезда здесь.

Ребята сложили палки в кучу и уселись на корточки вдоль путей железной дороги. Каждую среду и пятницу здесь проходил большой поезд из Энгельхольма, а если очень стараться и размахивать руками изо всех сил, машинист даже даст сигнал и поприветствует мальчишков.

– Олаф, смотри, что там? – Стефан указал на слабое шевеление в траве у путей.

– Сейчас проверю. – Мальчик поднялся и осторожно подкрался к источнику движения. –

Ой, да это же щенок!

Остальные ребята сорвались со своих мест и окружили маленькое животное.

– Какой маленький, какой грязный, смотрите. Даже ходить не может.

Рельсы тем временем гулко дрогнули. Поезд приближался. Нельс взял щенка на руки и потрепал за ухом.

– Наверное, он ничей, да? Лежит тут один... – В его глазах промелькнул огонек, нехороший, как показалось Олафу. – А помните, как мы кидали на рельсы монеты и листья?

– Нельс, ты же не хочешь...? – Голос Олафа чуть дрогнул. Тем временем поезд уже появился на горизонте и все отчетливее гремел, знаменуя свое прибытие.

– Что? Нет, я не хочу класть его на рельсы, он же тогда совсем сплющится! Но вот если мы посадим его на шпалы, интересно, он убежит? А если не убежит, подождем, когда поезд уедет, я тогда попрошу у отца оставить себе такую смелую собаку.

Ребята одобрительно закивали и направились усаживать животное между рельсами, однако Олаф стоял на месте, и, словно в оцепенении, непонимающе хлопал большими глазами. Рельсы дрожали с каждой секундой сильнее. Мальчики сели напротив щенка поодаль и с нетерпением ожидали приближения состава.

Расстояние между поездом и собакой неумолимо сокращалось, стук колес становился все громче и яростнее. Олаф выдохнул, сорвался с места и стремглав помчался навстречу этому гулу. Он, подобно хищному ястребу, бесстрашно бежал на огромную машину. Оставались доли секунд, и животное оказалось бы под поездом. Не помня себя от нахлынувших чувств, мальчик подбежал к щенку, обхватил его одной рукой и резко перекатился за пределы рельс, на противоположную от зевак сторону. Пронзительный свист поезда оглушил лежащего на спине Олафа, но он не замечал его, все крепче прижимая собаку к своей груди. Тяжело дыша и смахивая слезу радости, он взглянул на щенка. Тот, кажется, был благодарен.

Он был подарком судьбы. В буквальном смысле. Выиграл место в лотерею! Международная Станция на Луне требовала огромного финансирования и сулила очень мало прибыли в обозримом будущем. Разговоры про колонизацию шли скорее для отвода глаз, и для мотивации команды. Это была даже не ложь. Так, отложенная надолго правда. Для привлечения

средств со всей планеты были придуманы видео-дневники космонавтов, страницы в Сети, личные блоги. И, конечно, лотерея. Одно место в команде было вне политики, вне торговли стран и корпораций. Оно было «народным». Имеешь специальность, проходишь по здоровью – есть шанс быть первым жителем другой планеты.

Широкое освещение, по идее, должно было объединить землян вокруг миссии «Содружества», сделать его проектом человечества. Планетарная лотерея – вдвойне. Это удалось, отчасти. Работа Станции, как ни крути, остается работой. Мало драмы, мало слёз, мало шуток. Пристально за ними следили лишь группы энтузиастов. Порой огромные группы, миллионы людей. Но еще миллиарды даже не поднимали глаз к небу. Сам факт того, что подготовка базы на Луне собирала деньги таким образом, был тревожным звонком. Его слышали самые проницательные и дальновидные, что на самой Станции значило «все, кроме Олафа».

Этот сбор средств говорил о многом, заставлял ставить себе вопросы, которые старался забыть. Или положить в «русский авось», даже если ты немец. Когда их труд будет востребован? Если подготовка одной Станции заняла десятилетие. Кто их спасет в случае непредвиденных обстоятельств? Если полет длится недели, а запасных кораблей и экипажей нет. На них лотерею не проводили... Что и говорить о «спасательных» судах, которые могут не только долететь, но и увезти еще больше людей, грузов домой. До такого уровня мышление корпораций пока не поднялось.

В сухом остатке, Станция «Содружество» была маленьким шажком вперед, который Земля делала для приличия. Технически возможная полвека назад, экспедиция сегодня была росписью в бессилии. Жестом «надо же хоть что-то делать». Без ясных перспектив и стратегии. Всё это хорошо знал Нэш. Наверняка знала Наталья. Не мог не знать Берг, слишком умный. Кимо и Вилье были чудаковатыми и узкими специалистами, но догадывались. По справедливости, это делало их труд еще более самоотверженным. Щепотка двоемыслия и жесточенности, и можно спать спокойно. Один Олаф искренне верил, что миссию лучше нельзя и представить.

Лотерея или нет, отбор был всё равно жестким. Затем еще подготовка, которую обычный человек в принципе не мог получить. Космическим кораблем «на гражданке» не порулишь. Но жребий пал на Олафа, и так добрый викинг попал в экипаж. Это сделало его не просто добрым, а скромным, застенчивым. Ему каждый день хотелось сказать другим: «Как же мне повезло к вам попасть!». Он сдерживался. Зато всегда был в хорошем настроении, будто знал тайную шутку, которую другим не понять. Он не готовился к полету всю жизнь, вообще не был профессионалом в прямом смысле слова. Поэтому, возможно, работал лучше всех. Душевнее, точно.

К любому поручению он относился как к празднику. Видел шанс доказать свою полезность. Заслужить право быть настоящим космонавтом. Не просто везунчиком с корешком билета. Будучи вторым пилотом, читай «лишним на поверхности», он часто оставался дежурным по Станции. По-хорошему, должна быть ротация. Но он сам просил о работе, и ему выпадало чаще других. В обязанности дежурного входит проверка всех систем общего профиля и борьбы за живучесть. Биологию смотрит Кимо, Технику – Берг, Электронику – Вилье. Олаф немного смыслит во всем. В чем смыслит Наталья, он не знал и боялся спросить. Но живучесть проверяется каждый день.

Вентиляция и регенерация воздуха. Есть. Запасы воды и блоки очистки. Есть. Основные и резервные запасы пищи. Герметичность, свежесть, изоляция. Есть. Цельность корпуса в общих отсеках. Есть. И так по всем системам и функциям Станции. Раз помощи с Земли не будет, то лучше перебдеть. Как пилот, Олаф уверенно проверял и двигатели подъемных модулей. Экстренное возвращение домой всегда было возможно. До сегодняшнего утра никто всерьез об этом не думал. Слова «маленькой Кимо», как называл её викинг, изменили положение дел. Из уважения к ней, Олаф только что не дал команду на взлет. Проверил полетное

задание, связь с орбитальным модулем, топливо, зажигание. «Вдруг, и правда...». Что правда, он пока не хотел думать. Потому что был неисправимый оптимист.

Потому наиболее тщательно, с любовью, он проверял в этот день скафандры и луноход. Подал давление воздуха в костюмы. Увидел, как они наливаются объемом, словно живые. Убедился, что нет утечки. Что все клапаны работают. Погладил обшивку, протёр визоры. Ему очень хотелось надеть один и выйти на Луну. Выйти со смыслом, найти что-то, сделать открытие, пережить приключение. «Сагу», шептал какой-то внутренний голос. Было немного странно жить на планете и никогда не выходить наружу без жесткой необходимости. А жесткая необходимость почему-то всегда обходилась без второго пилота. Однако таков был закон. Каждый выход снижал ресурс скафандра и тратил кислородную смесь. В теории, её тоже можно было регенерировать. Но на деле прогулки по Луне пока оставались делом будущего. Только работа.

Луноход – любимец Олафа. Стальной конь о восьми колесах. «Слейпнир», думал швед без всякого внутреннего голоса. Он сел в кабину, включил все системы. Поурчал двигателем, проверил каждое колесо и подвеску отдельно. Он был убежден, скоро конь вырвется на свободу. И Олафу суждено оседлать его. Откуда уверенность? Он бы не сказал. Просто чувал. находка Объекта сулила перемены, те самые приключения. Он не был глуп и прекрасно понимал, что не все перемены к лучшему. Но, как настоящий мужчина, предпочитал любой вызов рутине. Это же Космос! Дикий рубеж, земля смелых. Риск погибнуть вдали от людей был слишком абстрактен для него. Станция в дежурном режиме, что санаторий. Даже работать серьезно не надо. О таком не мечтают...

Как мужчина, Олаф немного мечтал о другом. О маленькой Кимо. Он нутром ощущал, что она ему родственная душа. Что она тоже не из чёрствых спецов, кем порой казались другие. Что она тоже здесь по воле судьбы. Или рока, в её случае. Она была тонка, изящна и задумчива. Живой портрет «дамы в беде». Это тронуло большое сердце Олафа почти сразу. Он и подумать не мог признаться в чувствах. Ведь это Космос! Разве что, после возвращения... Особенно с открытием и находкой, которую откопает Олаф на стальном коне... Тогда будет достойно, уместно. Такие мысли увлекали Олафа, когда он заканчивал проверку и мечтательно глядел в иллюминаторы и обзорные экраны станции. Положив бородатую голову на обе руки.

Иногда он думал и о Наталье. Невозможно было не думать о белокурой бестии. Не повернулся бы язык сказать, что она не привлекала. Но это был холодный свет зимнего солнца. Для него она была недостижимой Валькирией, ведущей павших героев в покои Вальгаллы. Он хотел побыть еще живым и тёплым. Она была настолько хорошо сложена, что для него почти переставала быть женственной. Как античная статуя, или Снежная Королева. Можно любоваться, но лучше не трогать. Да, по этому кругу и ходили мысли Олафа долгими лунными вечерами. Коллег-мужчин он оценивал одинаково. Хорошо и мало. Разве недостойные могли бы попасть на небо? Нет, и весь сказ.

У дежурного была еще одна привилегия. Он мог включать музыку. Тишина Луны вместе с визуальной пустотой давила на психику. Еще на Земле была утверждена музыкальная программа. Вкусы у всех разные, поэтому плейлист утверждали, пока большинство не одобряло каждый трек. Ну и для особых случаев космонавтам разрешалась выбрать по одной мелодии без оговорок. У Олафа тоже такая была. Но сегодня, в конце дня, ожидая итогов работы команды Берга, он включил «Полет Валькирий». Тревожные ноты ожидания, нарастающая дерзость и триумф смелости в этой мелодии отражали его настроение, его чаяния. Он ждал добрых вестей и приключений.

* * *

Наталья

«Чтобы стать крылатым, нужно стремление к полёту»
Юрий Алексеевич Гагарин

3 февраля 2035, Станция «Содружество»

У Натальи была миссия. Не секретная и не государственная, просто своя. Вернуть Россию в Космос. Не как корпорацию, не для «заказов» и запусков, а как мечту, как народ, как великую цель. Она рыдала, читая советские книжки, слушая песни о том, как «на пыльных тропинках далеких планет, останутся наши следы». Давностью в семьдесят лет. С детства она считала, что звёзды зовут, а мы их предали. Нельзя смотреть в ночное небо и не думать об этом! Над нами не мишура, не гирлянды, а обещание вечности... Неизвестно, почему она была затронута этим звездным призывом больше других. Почему лила горячие слезы, когда остальные развлекались. Когда остальные забыли детские игры и загадки.

Она ничего не забыла. Она росла, и мечта росла вместе с ней. Сладость сменилась горечью. Надежда – ожесточением. Но она ничего не забыла. Наталья презирала космическую бюрократию и логику торгашей, по которой космонавты по десять лет ждали полёта. Она должна была всё изменить. И начать с себя. В мире, где видимость важнее сути, есть свои правила. Она готова была играть. Спорт она любила с детства, мама и природа не поскупились на прелести. Тугая русая коса висела до пояса, зелёные глаза сияли, щечки горели. «Кровь с молоком». Где нужно – чуть макияжа, иногда чуть фото-редактора. И вот, звезда социальных сетей, визуальных коллекций, готова! «Инстаграмщица», «фитоняшка» – самые приличные из слов, что она слышала за спиной.

И она ненавидела всё это, но стиснула зубы и продолжала. История её заявки в отряд космонавтов стала популярной темой. Селфи, репортажи, интервью, «русская красавица покоряет Космос». Как же, как же. Она хотела дать торгашам товар, который они не смогут отвергнуть. Историю, которая сулит им барыши. Ведь если она смогла раскрутить свой образ и даже немного заработать, то Корпорация получит за неё сторицей. «Космос и Женщина. Вместе лучше продаются», – думала Наталья и хотела сплунуть. Она научилась улыбаться и молчать, позировать и молчать, играть нужную роль и говорить по бумажке. Чиновники, торговцы звездами, что им никогда не принадлежали, попались на удочку. Купились. Когда зашла речь о Станции на Луне, возможно, во всем мире знали, кто полетит от России.

Ради чего это всё? Она знала очень хорошо, напоминала себе чуть ли не каждый день, надевая маски. Наталья хотела развернуть людей к звездам, даже если они будут сиять на плакате за её спиной. Сделать Космос красивым, модным, желанным. Если нация не понимает через голову, пусть поймет через сердце, эмоции, что угодно. Мечта должна жить, и если надо, будет жить в ней. Но даже это была только часть плана. С прибытием на Станцию началась бы вторая. Это легенда. Первыми поселенцами можно стать только раз. Символически или нет, но проложить дорогу человечеству. После возвращения её слово, её образ будет значить гораздо больше. Она станет не просто красивой мордашкой, а героем. Впрочем, красота героям еще не мешала... Она сможет влиять на события, на умы, на будущее. Это и был её тайный план, вращенный годами. До конца о нем не знал никто.

Из космических профессий она выбрала, конечно, пилота. Яркий героический образ, риск и полёт. Куда больше внимания и фотографий, чем инженер или ученый. Кроме того, небо взывало к её природе. Она была охотницей в крови. Терпеливой, когда надо, тихой. Возможно, это тоже перст судьбы или воля самих Звёзд. Миссия выбрала Наташу, или Наташа миссию? Она училась хорошо, пилотировала страстно. В группе была одной из лучших. Одной из. Когда её отобрали для миссии на Луну, все знали, и она знала, благодаря чему.

В тот вечер, на эмоциях, Наталья не сдержалась. Разыскала своего товарища, который был, по-настоящему, лучшим. Высокий, молчаливый, с темными пронзительными глазами. Насколько она знала, он никогда не говорил о ней плохо и не озвучивал то, что было у многих на уме. Когда пришла новость, он молча встал, подошел к ней, и пожал руку. Долго, крепко, без единого слова. Только глаза стали еще более грустными, тусклыми. Так что ей стало больно смотреть. Или совесть мучила? Как бы там ни было, вечером она нашла его и со слезами на глазах, почти шепотом, рассказала ему часть своего плана. Чтобы как-то оправдать всё это, чтобы был смысл. Он улыбнулся, обнял её и сказал: «Я мечтал о том же. Ты не одна. У тебя получится лучше. Так что крепись и тишишш...» Тут он смешно прижал палец к губам. Наталья прыснула сквозь слезы и еще крепче сжала в объятиях первого человека, кто оценил её истинное лицо.

Кроме этого случая, она действовала чётко. Образ, намеки, репутация. Она не девица, это было бы несерьезно в её возрасте. Но и не замужем, это дает надежды. Не одинока, это рождает слухи. Скорее, всё время думает над предложением жениха. Не легкомысленна, но шанс у тебя есть, что называется. О детях до полета и речи быть не могло. У неё имелось много соблазнительных фотографий, но они оставались ровно на границе приличия. С нужной стороны. Эта «естественность» стоила тяжелого труда. Цель оправдывала средства. Когда она села за штурвал корабля, она была той, о ком могла мечтать страна. «Комсомолкой, спортсменкой и просто красавицей», лицом русского Космоса. Самым известным человеком на Земле – возможно. Она одна знала цену.

С прибытием на Станцию начинался новый этап её жизни. Настоящий. Камень пал с души, она могла вести только свою игру. Пройдена точка невозврата. Здесь уже никакие чиновники не могут помешать. Она могла быть собой, делать всё со страстью и вкусом. На вид изменилось мало. Она аккуратно вела свой блог, ставила фото, занималась внешностью. Но вся команда чувствовала, будто после Земли вдруг сняли заслон у печки. Энергия Натальи распирала Станцию. Если бы не страницы в Сетях, которые плавно становились общественно-политическими, призывными, она бы прожгла дыру в стене. Встреча с Объектом стала её звездным часом. Точкой фокуса. Возможность не просто вернуться героем, но сделать открытие, находку. Это лучше всех ожиданий. Перст судьбы.

По кругу обязанностей она была дублером-помощником Берга в части оборудования станции, подготовленным водителем и механиком лунохода. Первой в очереди на операции «за бортом». Высокая честь. С другой стороны, экипаж из шести не мог позволить решения только из соображений чести. Риск гибели пилота на задании не значит почти ничего для работы Станции. «Вернутся не все» было допустимым сценарием. Об этом ясно дали понять на Земле, но не любили вспоминать. Главное, достичь цели экспедиции – разведать и наметить новый дом. Или оправдать вложения... Наталье было всё равно. Без риска нет чести. Вот и сейчас, она чувствовала, что сколько веревочке ни виться, а выход из Станции неизбежен. Возможно, раньше самого геолога она продумывала сценарии контакта. Даром что понимала, куда может заехать луноход, и где вообще мыслима встреча с подземным Объектом.

Внутренняя охотница в ней проснулась и знала, что время пришло. Ладони покалывало. Впервые она испытала смятение, когда Берг назвал её «ведьмой» в глаза. Неужели её страсть так видна? Её желания так легко прочесть? Или он, как летчик на Земле, тоже разделял её мечту? Он сказал это так тихо, так доверительно. Будто понимал её на особом, интимном уровне. Она впервые почувствовала себя не охотницей. Не то, чтобы жертвой, но предметом изучения его колких глаз. Неуютно. Навело её на мысль, что целиком раскрылась на станции не только она. Просто у Берга был свой крючок. И возможно, «вернуться героем» будет не так просто, как казалось. Это действовало отрезвляюще. Кто знает, что несет с собой Объект? Пора так же учиться читать коллег. Иначе можно вернуться не главным героем, если вообще...

В голове Натальи роились новые мысли. Вновь ей напомнили, что «она такая не одна». Где-то глубоко отозвалось скользкое «незаменимых нет». Мечта о звездах – дело не только

России, но всех людей. Надо искать союзников, действовать сообща. Возможно, впервые в её планах появлялся образ команды. Это свежее чувство, что не всё зависит только от неё, было приятным, обнадеживающим. Она улыбалась легкой, беззаботной улыбкой, сидя за столом в командном центре. Даже жаль, что никто не заметил, ведь Берг принес итоги своих трудов.

Совещание

«Коллективное решение имеет три преимущества: безымянность, беспричинность и безответственность»

Первый Инквизитор

3 февраля 2035, Станция «Содружество»

Нэш оценивал товарищей. Настроение заметно отличалось от утреннего. Загадка из абстрактной превратилась в конкретную, в проблему, с которой можно что-то сделать. Измерить, изучить. Вот Берг же принес что-то. Работа всегда помогает, а неизвестное страшит. Даже если бы им всем угрожал удар метеорита, Нэш был уверен, он сам не испытывал бы того холода в груди, как перед Объектом... В этот момент он сцепился взглядами с Кимо, и в её черных глазах как будто мелькнуло понимание. Понимание того, что он подумал, но не сказал. «Ох уж эти женщины, что одна, что другая!». Он поспешил начать.

– Друзья, после первого доклада группы Берга, – он кивнул Наталье и Вилье, – я уже сообщил в Центр о находке Объекта. Ответ Вы можете представить.

– Дайте угадаю – «Ни слова на открытых каналах, а лучше прекратить все блоги и социальные Сети». Не впервые под землей находят что-то «не то», – ухмыльнулся немец.

– Изящнее. Если мы резко исчезнем из эфира, это будет странно. Ведь в нас вложены... кхм... большие надежды. Поэтому решение иное. Цензура. Новый защищенный канал связи, все соединения только через него. Стараемся делать вид, что ничего не произошло.

– Мы можем сообщить своим начальникам..., – начала Наталья.

– Нет, мисс Ланова, не можете. По условиям международного соглашения, каждый здесь отвечает перед Центром, и его заместителем на Луне – мной. По своим каналам начальство и так узнает. А связь с Землей отныне будет по одному, зашифрованному, – Нэш давно хотел её осадить и сейчас чувствовал себя на коне. – Каждый, кто не согласен, будет немедленно отстранен от работы и дисквалифицирован по возвращении.

Фраза повисла в воздухе. Иногда лучше не озвучивать факты. В замкнутом экипаже угроза – последнее дело. Положение спас Олаф.

– Кэп, я думаю, мы все понимаем и согласны. – Он улыбнулся и сделал жест руками, как бы обнимающий команду. Возражать увальню было трудно. Люди молча кивали. Или сжимали губы, как Берг.

– Друзья, это в интересах человечества. Вы сами понимаете, какая пойдет волна спекуляций и фантазий. Пусть свет науки развеет их для нас, так ведь? – Нэш жестом обратился к группе «техников».

– «В темноте слепой указывает путь», – Неожиданно проговорила Кимо.

– Кимо, ради Бога, перестань, мы не в кино, – Капитан скривился и уже прямо сказал. – Берг?

– Я люблю нашу китайскую коллегу, как и мы все. Поэтому отдам должное её мудрости. По сути, мы смогли очертить часть Объекта методом «от противного». Картографируя то, что мы не видим. Сигнальную слепоту, пустоту. – Тут Наталья пихнула его в бок, – Ах, да, хотел начать с извинений. Кхм. Показания Вилье и Капитана полностью подтвердились, само собой.

Вилье позволил себе триумфально пошевелить усами. В полном сборе команды он всегда держался уверенней.

– Что удалось обнаружить. Размеры Объекта велики, но не циклопичны. Нет оснований считать, что он составляет весь маскон. Масштабы скорее здания, пусть огромного здания, но не геологической формации. Сотня-две в высоту, дальше отклик меняется.

Когда Берг произнес слово «здание», он и не заметил, как все буквально приподнялись.

– Очертания? – Спросил Нэш.

– Довольно скучные, всё та же ровная поверхность под разными уклонами. Но кое-что, кое-что есть. – Тут Берг улыбнулся со зловещим азартом. – На дне пещеры, у которой мы стоим, в поверхности Объекта возникает разлом, каверна или дыра. Но тоже с прямыми углами. И вот туда мы теоретически можем добраться. Прямо таки приглашение! – По его лицу сомнений не оставалось, Берг считал это приглашением.

Капитан наблюдал за реакцией команды. Олаф мечтательно улыбался. Вилье хмурился. Наталья, что необычно, выглядела глубоко задумчивой. Ну а Кимо продолжала играть грозную роковую пророчицу. Что ж, значит, он один может совладать с чувствами и мыслить рационально. На то и командир. После «холода» первой встречи возможность уточнять параметры Объекта сильно успокаивала.

– Берг, конкретно, на какой глубине находится этот разлом? Каково расстояние от Станции?

– Разлом начинается на глубине примерно двести метров. Плюс-минус. Сами понимаете. Нам же нужно его дно, чтобы прийти. А это сложнее определить. До прогнозируемой точки «дна» от Станции километр прямого пути.

– Только он не прямой, верно? – Вступил Вилье, – Это двести метров спуска в пещеру. Подумайте, двести метров! На Земле кажется всего ничего. Но мы не дома. Рухнуть в пещеру с нашей гравитацией – дело простое. А выбираться? Карабкаться по стенам? Лезть по веревке? Сколько это времени, сколько воздуха в баллонах? Я еще даже не начал о том, что может оказаться внутри самого разлома...

– А что туда надо лезть, уже решено?, – скромно, но твердо спросила Кимо, сжав губы в линию.

– Берг, а дай-ка мне на планшет прямые показания зондов. Помнишь, ты говорил про «нарисовать»... У меня одна идея есть. – Внезапно встрепелась Наталья. Получив файлы, углубилась в них, словно беседы вокруг и не было.

– А что ты предлагаешь, маленькая? – Ласково ответил Олаф китайке. – Разве мы тут не для того, чтобы исследовать? Чтобы наметить постройку нового дома и устранить всё, что может ему помешать?

– Совершенно верно, коллега. Мы как проходчики в шахте. Должны проложить путь во тьме. Кто, если не мы? – поддержал Берг.

– Во тьме. Хорошо сказано. Я много смотрела в темноту Лунных ночей. Вам кажется, что Вы прокладываете путь, где ничего нет. Но темнота – это не пустое место. Она живая! И Объект смотрит голодными глазами... – Кимо вновь стала увлекаться. – Нам не справиться. Мы должны улетать. Или покориться... – последнее звучало так тихо и так странно, что никто не придал значения.

– Мы не улетим. Чем бы это ни было, человек это нашел, человеку с этим разбираться. – Спокойно заключил Капитан. – Если мы улетим, то просто нарушим свой долг и трусливо бежим. Чтобы кто-то другой, лучший, пришел снова. Помощи ждать тоже неоткуда. Кавалерии не будет. Если мы не решим задачу, значит, землянам она пока в принципе не под силу.

Нэш вовсе не чувствовал той спокойной уверенности, что звучала в его голосе. Вообще говоря, он был на стороне Кимо! Точнее, в партии «это нам не по зубам». Но открыто поддерживать её бредовые речи было немыслимо. Любой шаг в сторону отказа от исследования выглядел бы сейчас как согласие с ней. «Пошлет же Бог юродивых», думал он про себя. «С ней точно что-то не ладно».

– Я готов пойти добровольцем. – Пробасил Олаф.

Никто не сомневался.

– Да подождите вы! Уже добровольцев ищут. Я не услышал ответа, как технически это сделать. А еще одно – зачем? В этом проломе Объекта что, медом намазано? Там может всё те же металлические плоскости и больше ничего. – Вилье стоял на своем.

– Не сходим – не узнаем. – Буркнула Наталья и вернулась к своему планшету, прикусив язык.

– Там что, прямо ворота? Разве Объект не утоплен в реголите за эти семьдесят миллионов лет.

– Утоплен, но «у нас есть такие приборы»... Друзья, я бы не стал и начинать свой доклад, не обдумав продолжение. – Берг чувствовал себя и был на высоте положения. – Готов завтра представить подробный план действий, с оценкой рисков и технических решений. В учебниках такого нет, но как еще открывать новое? Адаптироваться. Раз капитан одобряет.

– Я пока ничего не одобрил, Берг. Давай свой план, и мы решим, стоит ли игра свеч. Не будем драматизировать. Я не рассматриваю сценарий бегства. Но я должен серьезно взвесить плюсы варианта «как бы чего не вышло». Объект не мешал нам работать до этого и в обозримом прошлом никак себя не проявлял. Мы должны рисковать жизнями людей, оборудованием, целью миссии, чтобы выяснить «А вдруг всё резко изменится и, кстати, что это там за штуковина»? Большой вопрос.

Большой вопрос заставил команду задуматься. Одна лишь Кимо улыбалась. В её голове всё давно было решено.

– Когда кролик видит удава, он может бежать. Но стоит удаву увидеть кролика, пути назад нет. – Она тряхнула головой и постаралась говорить яснее. – Почему никто не предлагает очевидное? Что Объект – это и есть здание! Не скошенные плиты, а дом чужой цивилизации. Чуждой. Пока мы смотрим на него. Что если он начнет смотреть на нас?

Прежде чем кто-то успел открыть рот, с места поднялась Наталья.

– Она совершенно права. И я вам покажу.

Наталья достала из командного стола лист бумаги и карандаш. Шутки в сторону, он, действительно, надежно работал в Космосе. Резкими взмахами она наносила на бумагу линии, поглядывая на планшет. Все молчали, не отрывая от неё глаз. Происходило что-то особенное. Её лицо раскраснелось, движения становились плавней. Она будто сама не хотела завершать рисунок и пыталась замедлить, смягчить его финальность. Наконец, она заговорила, держа лист бумаги перед собой.

– Я сопоставила показания зондов Берга и попыталась нарисовать одну картину, как он метко советовал сам. На секунду представить, что перед нами не геологический, а рукотворный объект. Не просто плиты. Так вот, друзья, мне потребовалось совсем немного воображения...

Она развернула лист бумаги так, чтобы его видели все. В полной тишине на людей смотрело нечто, знакомое со школьных лет. Через долгие мгновения, с разных уст сорвались звуки, постепенно ставшие одним словом.

«Зиккурат».

План

«Failing to plan is planning to fail»⁵
Народная мудрость

4 февраля 2035, Станция «Содружество»

Гипотеза «рукотворности» – дежурная при встрече с неведомым. Очень не хотелось, но после рисунка надо было считать её основной. Гипотезы, однако, для того и выдвигают, чтобы проверять. В команде понимали, что минимум одна вылазка должна состояться. План Берга слушали внимательно.

– Первая проблема. Вход в Объект находится под землей. – Это слово прозвучало впервые, и было принято без возражений: «Вход»... – Решение, как и в горных работах. Направленный взрыв. Наши зонды туда вполне дойдут, оставят заряд, и дело в шляпе. Точно рассчитать последствия нельзя, но если есть пустота, то мы до неё доберемся. Если нет, повторить. Вопросы? Кроме Кимо, – Берг сразу сделал жест рукой, увидев, что она открывает рот.

– Нет вопросов, отлично. Допустим, проблема решена и Вход доступен. Далее, надо спуститься на большое расстояние в пещеру. Так далеко еще никто не ходил. Сколько займет времени «внутри», тоже неясно. Решение одно – Луноход. Запасы воздуха с собой.

– Луноход. Не Лунолёт. Кроме зондов, в пещере никто вообще не был, там же отвесные стены. – Не удержался Вилье.

– Кстати, отличная идея. Лунолёт. Надо поставить на повестку будет. Однако, больше веры. С нашей гравитацией можно и по стене ехать, я уже придумал, как. Надо лишь закрепить зад машины тросом к станции. Тогда, перемахнув через край пещеры, она не улетит вниз, а сможет аккуратно спускаться. Не скажу, что мы так делали на Земле. Но похожие финты в шахтах есть. Вопросы?

– А подниматься? – С прищуром глядела Наталья.

– Еще проще. Создаем натяжение троса, колеса цепляют грунт и либо на своем движении поднимаемся, либо со Станции затащим тросом. Кто ходил в горы знает, спускаться всегда труднее. – Олаф на это закивал.

– Выглядит слишком просто. Оценка рисков? Поломка лунохода? Обрыв троса? – Капитан спрашивал то, что должен был.

– Капитан, ты видел наш трос? В этой тяжести я не знаю, что может его порвать. Но будем последовательны. На Станции есть запас длины. Если что, организуете партию, сбросите еще один. Что касается Лунохода. Опять же, команда на станции может вытащить нас лебедкой. Устройства крепления к тросу у нас есть. Назовем их «жумары», как альпинисты.

– Время? Воздух, связь? – нудно перечислял Вилье.

– Запасы на Луноходе. В случае попадания, скажем, шаровой молнии и их подрыва, берем с собой переносные. Мало ли, заблудимся, заглядимся «внутри».

– Что ж. Кажется, всё предусмотрено. Остается определить команду на выход. Полагаю, список добровольцев и моё решение совпадают. – Капитан оглядел команду и получил нужные кивки в ответ.

– Это выбор без выбора. – Подтвердил Берг. Все знали, что пилоты на земле – первые кандидаты на риск. Без них станция работает, и это соответствует их личным качествам. Берг, спец по геологии, должен быть автоматически. Кимо там не нужна. Командир остается командовать, а Вилье управляет приборами.

⁵ «Провал планирования это планирование провала» – англ.

Единственный выбор, который делал Нэш, это отправлять ли партию вообще. Его разум, или подсознание, настойчиво шептали, что они не готовы, что добром это не кончится. В этом хотелось горячо согласиться с Кимо, только без её мистицизма. Бывают случаи, когда ты ведешь коллектив, а бывает, он ведет тебя. Сегодня такой день. Положа руку на сердце, Капитан вообще радовался, что видит перед собой коллектив. Команде, сшитой из разных людей разных культур и стран, нужна была цель. Явно или тайно, они все хотели, мечтали совершить что-то значимое. Оно явилось. Берегись желаний.

– Наталья, Олаф и Берг идут в поисковой партии. Сегодня взрываем заряды и изучаем последствия. Если всё хорошо, выход завтра утром. Захватим побольше Солнца. Кимо, – прежде, чем она начала возражать, Капитан обратился к ней сам, – пожалуйста, подготовь для ребят что-то стимулирующее, вылазка может быть долгой.

Маленькая женщина только открыла рот для ответа, но так и не нашла слов. Это уже не дискуссия – приказ. Остальные поднялись и вышли из командного центра. Удели они чуть больше внимания Кимо, непременно вспомнили бы потом её тихую улыбку.

Дальше время потянулось как патока. Каждый готовил свою часть вылазки, только Берг и Вилье занимались взрывом. Ожидание, предвосхищение, все считали минуты. В свете Объекта, события до этого дня уже казались вторичными, не такими важными. Словно начинался новый отсчет, новый день. И они не могли дождаться рассвета. Впервые Вилье и Берг молча работали вместе, без споров и подколов, соединенные чувством значимости. Однако француз, склонный к размышлениям вообще, не мог не задуматься.

Забавно, все, кроме Кимо, даже он сам, охвачены если не энтузиазмом, то решимостью. Как будто впереди ждет открытие, находка, успех. Но все ли находки хороши? Какой вообще опыт хороших находок на мертвой планете давностью от семидесяти миллионов лет? Не очень статистика. Не все гробницы стоит вскрывать. Даже на Земле. Вилье хмыкнул, «гробница». После рисунка Натальи это казалось отличной версией. Предлагать её он, конечно, не будет. Вся эта тема с фильмом ужасов и так достаточно подогрета.

«Если подумать, что мы вообще ожидаем найти?» Новые технологии, материалы? Наука сожрет любые данные и не подавится. Но как их использовать, как поделить? Каков правовой статус любой находки на Луне? Были соглашения об этом, но как никто, Вилье чувствовал, что стоит им найти нечто стоящее, и всё пойдет к черту. Следы другой цивилизации? Он не хотел продолжать мысль, она сама пробивала дорогу, – «Другую цивилизацию?» Без следов. Это рождало еще больше вопросов. И вопросов к вопросам. Настраивая аппаратуру зонда, он думал о том, почему к этому, самому важному теперь событию, никто никогда не готовился всерьез...

Долго ли коротко, зонд был готов, и вся команда собралась за спиной Берга. Излишне, но по молчаливому соглашению, никого не прогоняли. Зонд медленно полз по поверхности Луны. Люди ждали. Космос вообще неторопливое место. Он заставляет ждать. Зонд дошел до проектируемой точки бурения. Стал медленно погружаться на нужную глубину над Входом. Вилье проверял и перепроверял показания приборов: глубина, характер грунта, скорость бурения, температура, давление выработанного грунта сверху, четкость сигнала. Подспудно он ждал, чтобы что-то пошло не так... «Вот сейчас, вот сейчас». Берг посмотрел на него холодными цепкими глазами и продолжил уверенно управлять машиной. Заряд установлен. Покинуть зону поражения. Зонд еще более медленно ползет по торенному каналу наверх.

В то же время Наталья показала большой палец. Её «зонд наблюдения» находился в пещере и передавал видео с предполагаемой точки Входа, если расчеты верны. В пещере было темно всегда, круглый год, круглые сутки. На глубине 200 метров, особенно. Зонд – не прожектор, но в режиме вспышки мог осветить широкий сектор. Чтобы увидеть разницу между стеной и проходом – хватит. Берг кивнул, в знак уважения посмотрел на Капитана и дождался его кивка. В полной тишине он нажал на кнопку подрыва.

Все выдохнули. Кажется, ничего не произошло. Градус ожиданий был таким, что лишь через несколько секунд разум взял верх. Ничего и не должно было произойти! Нет воздуха, нет звука, нет толчка – заряд ровно нужного размера. Один Вилье видел на экране сейсмический всплеск. Но прежде, чем он успел доложить, раздался азартный голос Натальи. «Есть! Берг, твою же... Умничка! Вижу проход». Команда собралась у её монитора, где на серии кадров со вспышкой была видна неоспоримая разница оттенков серой скалы и черного разлома. Через мгновение всё закрыла пыль от обрушения породы.

– Честно забыл, что не будет шума! – со смехом признался Олаф. – Все так кулаки держали, а в итоге... Сухой клик и готово...

– Уберите звук! – товарищи развернулись к Кимо. Бледная как полотно, она зажимала уши руками.

– Кимо, никакого звука нет и быть не может. Пожалуйста, успокойся. – Капитан перевел взгляд с приборов на китаянку и протянул к ней руки, желая успокоить.

– Уберите звук! – она почти кричала, мотая головой. На неё смотрели в полной растерянности. Олаф подбежал и постарался обнять. Вовремя. Из носа Кимо пошла кровь, ноги подкосились, и швед как раз успел поймать её тело. Он один уловил её шепот «Я слышу. Я всё еще слышу». Глаза женщины закатились, тело обмякло, и наступил глубокий обморок.

Теперь в отсеке, действительно, была абсолютная тишина. Не хватало только тикающих часов. Олаф держал Кимо на руках и не мог оторвать глаз. Остальные пытались осмыслить произошедшее.

– В каком-то смысле так всем спокойнее. – В своей дурацкой манере произнес Берг.

– Адольф, приди в себя! – строго сказал Капитан. – Олаф, отнеси Кимо в её отсек, я сейчас подойду. Базовая медицинская у меня есть.

Нэш хотел добавить что-то еще. Оперся на спинку стула, будто так легче искать слова. Наконец, избегая смотреть на команду, начал говорить.

– Мы должны честно рассмотреть два варианта. Первый – что у Кимо проблемы с психикой. – Молчаливые кивки в ответ. – Это хороший вариант. В Космосе и не такое бывает. Второй вариант. Он пришел мне в голову только сейчас. Заключается в том, – он делал слишком длинные паузы, – что она на самом деле чувствует нечто такое, что нам недоступно. И это пугает меня гораздо больше.

Сон

«Иногда, кошмар начинается за пробуждением»

Место и время неизвестны

В момент подрыва заряда Кимо прекрасно знала, что ничего не услышит. Медицинские риски взрывчатки в Космосе были особым курсом. Тем большим шоком на неё обрушился Звон. Когда Берг торжественно нажал кнопку, а все остальные сгрудились за спиной Натальи, голова Кимо была затоплена шумом. Голова, не уши. Она четко понимала, что внутри отсека не может быть колебаний воздуха. Когда ей потом рассказали, что она говорила, оставалось только пожать плечами. Была сама не своя.

Подземный взрыв породил тонкий, противный звон, как фальшивая струна или радиопомехи. Он носился внутри черепа, отражаясь от костей, и заставлял сжимать уши и жмурить глаза от своей невыносимости. Вопреки всем законам физики, он не затихал, а набирал частоту так, что хотелось остаться вообще без слуха, без головы – лишь бы он прекратился! Затем Кимо почувствовала, как в черепе что-то лопнуло, и мерзкий звук исчез. В этот момент товарищи видели, как у неё пошла кровь и подкосились ноги. Мгновение она испытывала облегчение, а потом всё стало гораздо хуже.

Звон вернулся, но стал другим. Гулкий набат, медленный и неотвратимый, заполнил её.словно колокол, молчавший тысячи, нет, миллионы лет, погребенный в пучине черного океана, вдруг проснулся и начал говорить. Его звук был черным, могильным, со скрежетом. И в то же время, что делало его по-настоящему ужасным, это был звук пробуждения. Нечто неизмеримо древнее просыпалось с каждым ударом. Открывало глаза и простирало в мир свою губительную волю. Нечто мертвое и в то же время очень, очень живое и сильное. Полное энергии, заряженное, алчущее.

Она чувствовала, как покрывается липким потом. Это был настоящий кошмар, когда ощущаешь приближение неведомого зла и не можешь пошевелиться. Она смутно догадывалась, что это происходит во сне или подобии сна, но это не помогало. Ведь тогда возможно всё. Абсолютно всё. Наяву можно умереть или потерять сознание. Какое-то облегчение. А что делать, когда ты уже спишь и не можешь проснуться? Какие тогда границы ужаса и есть ли они? Кимо не знала, но чувала, что во всем этом есть какое-то послание и надо понять смысл, во что бы то ни стало. Тогда она начала видеть.

Она парила над тем самым черным океаном, который представила в звуке. Его волны медленно катились за горизонт, а вода была темной и плотной, как масло. Над ней было небо, полное горящих звезд, с огромным светилом посередине. Как космонавт, она понимала, что это невозможно! Видеть сразу далекие звезды и местное солнце. Но видела. Оно излучало синеватый цвет, как в кино, превращая любое время суток в ночь. Она висела над водами и дрожала. Казалось, что в любую секунду она упадет и провалится в бездну. Как пишут в книгах: «воды сомкнутся над ней», чтобы никогда не разомкнуться.

Тяжелый, медленный звон как живой поднимался из глубин. Охватывал всё вокруг как щупальца невидимого кракена. Тянул к себе. Под воды, в черноту, в огромное никуда. Кимо подавляла её ничтожность перед лицом этого Вселенского спектакля. Вдруг Звон прекратился. На миг над волнами была абсолютная тишина, ни дуновения. Хотя волны вечно катились куда-то. Женщина висела в свете бесчисленных светил, как будто все они смотрели на неё. Как будто спектакль – это она. Единственная актриса в целом мироздании. Это было бы по-своему величественно, красиво, захватывающе, если бы не Звон, который в совершенной тишине, отказывался уходить из ушей. Кто-то же его сделал, зачем-то же он был нужен? Это волнение придавало горечь всей красоте небес. Что-то вот-вот должно было измениться. Непоправимо.

Стоило ей подумать об этом, как спектакль перешел в следующий акт. Черные волны стали резонировать от нового звука. На этот раз подобие пения органа. Ноты были торжественные и низкие, но гораздо большего многообразия. Целый концерт. Музыка грозная и гордая. Подхваченная ею, Кимо резко полетела над волнами. Стремительно, быстро, обгоняя исполинские валы. На небе, словно по сигналу зловещих труб, циклопическое светило стало закрываться черным диском... Затмение! Кимо открыла рот и смотрела, как медленно и спокойно закрывалось око небес. Скорость всё росла; воздух, должно быть, это он, начинал свистеть вокруг неё. Небеса медленно вращались по мере того, как она огибала планету, должно быть, это она. Орган приближался к крещендо, когда она увидела на горизонте сушу.

Земля приблизилась мгновенно, как бывает во сне. Взмах ресниц и она уже висит среди Пирамид. Полет прекратился. Она парила высоко в небе, видя вокруг на сотни километров. Вновь «неспящий космонавт» подсказывал ей, что такой обзор физически невозможен. Но она видела. Во все стороны от неё простиралась «Долина Царей» – первый образ в голове. Черные мегалитные пирамиды на ровных промежутках, как по сетке, заполняли всю землю. Их можно было сравнить только друг с другом, но Кимо чувствовала, они больше всех рукотворных объектов, что она когда-либо видела. Затмение приближалось к полноте. Музыка – к кульминации. Звездный свет наполнял мертвые поля.

Пирамиды выглядели древними. Настолько древними, что звезды в сияющих небесах показались Кимо молодыми. Юная, наивная Вселенная... В её голове закружились языковые символы древности. С черных вершин стекали не годы и века. Эоны. Такие пласты времени, что само слово «время» для неё стало терять значение. Вопреки всей логике, здравому смыслу и внешнему виду гробниц, она чувствовала в Пирамидах жизнь. Страшную жизнь. У неё не было времени подумать, подобрать лучшие образы. Черная луна закрыла светило в идеальном противостоянии. Музыка захлебнулась в темном торжестве. В этот момент первая Пирамида поднялась в воздух и с чудовищным ускорением вонзилась в Космос. За ней вторая, и еще, и еще. Ничто такого размера не имело право двигаться так быстро... За Пирамидами ревел не просто воздух, а само разорванное бытие.

Оглушенная и ошарашенная, Кимо впитывала новые ощущения. Пирамиды излучали не только жизнь. Они излучали Волю. Каждая в отдельности, и все вместе, они являлись одним несокрушимым перстом, который указывал на все звезды сразу. Произнося неведомый приговор. Впрочем, какие могли быть сомнения в приговоре? Кимо медленно опускалась на мертвую и уже пустую землю планеты. Она была раздавлена, уничтожена этой Волей. Перед ней сама женщина, все люди, вся история нашей цивилизации показалась ничем. Ничтожеством. Меньше, чем прахом. Она испытала новую степень ужаса. Над водами черного океана она боялась только за себя, это был понятный, живой страх. Теперь она содрогалась от того, что всё, вообще всё, что когда-либо было и еще может... Будет стёрто этой Волей. Это был ужас, выразить, ограничить который она была не в состоянии. Она рухнула на колени и утопила свой рассудок в слезах.

А затем над ней сомкнулись черные воды.

Ночь замысла

*«На врага, в отличие от друга, всегда можно положиться»
Первый Инквизитор*

4 февраля 2035, Станция «Содружество»

Кимо открыла глаза и шумно вдохнула, глотая ртом воздух, будто, в самом деле, вынырнула из черного омута. Она вцепилась в койку до боли, упиваясь её реальностью, твердостью, обычностью. Явностью. В ушах еще звучали отголоски космического органа, и она помнила свой сон очень хорошо. До мелочей. Так часто бывает при резком пробуждении. Она не была уверена, что когда-либо сможет полностью проснуться и забыть это. Чувство присутствия взбудрило её. Она огляделась и увидела Олафа. Он сидел в её отсеке, рядом дымилась чашка кофе, судя по запаху.

Он вышел из дрёмы вместе с её резким вздохом, и теперь ласково и соловело смотрел на женщину. Улыбнулся и сказал: «Проснулась?». Эта рыжая банальность очень согрела Кимо. Показалась такой простой и домашней. Она прыснула, хихикнула и, возможно, впервые взяла его за руку в знак благодарности. Всё, что угодно, любая глупость, лишь бы забыть этот сон! Она смотрела ему в глаза, отражала улыбку и ничего не хотела говорить. Олаф смутился.

– Я тут дежурил... и решил, почему бы и не рядом с тобой? Что еще более важное у нас есть на станции? – сказал и покраснел, потому что вышло слишком романтично

– Конечно, я понимаю. Спасибо тебе. Правда. – Она всё еще не отпускала его руку.

– Как ты? Что с тобой случилось? Если можешь рассказать, конечно?

– Пфффф. Если мыслить рационально... – она знала, что этого не хватит – должно быть, переволновалась и общее напряжение голову ударило. Обморок, плохой сон. Сейчас лучше. Благодаря тебе тоже, – теперь уже она смущенно улыбнулась.

– А если это... Не рационально? Ты всё время говоришь про Объект, как будто он проклят. Откуда ты знаешь?

«Хороший вопрос», подумала Кимо и долго искала ответ в глазах викинга. Она сама не могла объяснить, что с ней происходит, откуда приходят такие чувства и видения.

– Если бы я могла объяснить. Если бы. Тогда у меня могло бы получиться убедить Капитана. Но это чувство, ощущение. Ты можешь объяснить, почему тебе неуютно, или холодно, когда остальным тепло? Да чего там, ты можешь объяснить любовь? – Олаф потупился. – А ведь это очень сильное чувство. И если есть что-то противоположное любви, то я утопаю в нем с головой. – Она содрогнулась от столь удачного образа.

– Мне жаль тебя, маленькая. Но мы не все так чувствительны. Я обещаю тебе, что буду иметь в виду твоё предупреждение. При первых знаках опасности особо. Можешь на меня положиться. – Она сжала его руку. – Но ты знаешь, Капитан выполняет свой долг. Особенно, пока всё идет по маслу. Если что-то случится... может быть, начнут слушать.

Кимо понимала, что сам викинг хочет идти дальше и не может понять её женской опаски. Но последние слова загли её, как током. Она увидела идею, возможность. Так увлеклась, что отпустила его руку, наконец. «Если что-то случится...»

– Олаф, я честно тебя понимаю. Ты смелый, сильный мужчина. Ты хочешь подвига. Не считай меня за истеричку. Пожалуйста. Просто я не уверена, что мы готовы к этому, что время пришло. Знаешь же поговорку, «Не буди лихо...». «Никогда» – добавила она про себя.

Пока рыжий млел от комплиментов, Кимо уделила внимание себе. Она лежала под одеялом и была почти полностью раздета! Олаф заметил её взгляд, смутился еще больше и поспешил заверить: «Это был Кэп. Он тебе... оказывал помощь». Она тоже зарделась, но по другой причине. Мысль о том, что именно они двое стесняются друг друга, вызвала у неё особое, теп-

лое чувство. «Как девчонка!». Улыбнулась про себя. «Он подумает, что ему... пусть». И улыбнулась еще раз. Затем на неё вновь нахлынуло всё, что она видела во сне. В контрасте с детской радостью момента, космический ужас ударил по затылку глыбой льда. Улыбка рассыпалась. Она с трудом держала слёзы.

– Олаф, мне нужно привести себя в порядок, пожалуйста. – Как могла мягко произнесла она. Получилось плохо, и рука Кимо вновь коснулась викинга. Это произвело эффект.

– Да, конечно, я понимаю.

Он неловко вскочил и поспешил выйти из отсека, закрыв двери. Кимо поднялась и села на кровати. Волны ужаса грозили захлестнуть и утащить в истерику. Как никто другой она знала, что это не просто сон. Когда живешь со своими ощущениями, когда твоё чутье спасало жизни, ты знаешь, когда оно не врет. Говори себе, что хочешь, но в печенках ты знаешь! И Кимо знала. Диафрагма дернулась в сухом всхлипе, но она справилась.

Сон имел прямое отношение к Объекту. Более того, к тому, что они делают и уже сделали. Возможно, уже поздно, но пытаться она обязана: любым способом отдалить их от этого звездного умертвия, помешать, закопать обратно, забыть. Нельзя было просто рыдать и валяться. Надо действовать. Решимость позволила ей сбросить липкие оковы страха, но гадкий кусок остался в груди. Её взгляд упал на еще теплую чашку кофе Олафа. Возбужденный мозг сам подсказал решение.

Выбрав курс, она уняла дрожь в руках, встряхнулась и принялась за дело с большей уверенностью, чем когда-либо в жизни. Приняла душ, переделась и открыла свой химический кабинет. Жизнеобеспечение станции предусматривало любые случаи. Вплоть до хирургии. Её взгляд скользнул по сияющим скальпелям с нездоровой тягой. Но их время еще не пришло... Она взяла инжектор, и стала готовить стимуляторы к утреннему выходу. А затем, еще кое-что.

Она боялась, но этот холод в груди не давал расслабиться. С какой-то стороны, она обрела новый фокус, точку усилий, цель. «Во всем есть плюсы» – её губы тронула кривая ухмылка. Она подошла к иллюминатору. «Здесь же совсем другие звезды! Абсолютно другое небо». На минуту она обрадовалась. Возможно, угрюмые Пирамиды до них просто не доберутся. Они в другой Галактике, в другой Вселенной, у чёрта на рогах! Но потом экстаз музыки и мимолетное прикосновение чуждой Воли ожили в памяти. Нет, нет. Это не поможет. Хозяева такой воли неумолимы. Всё, что угодно может быть метафорой, образом. Пирамиды, орган – сон есть сон. Но главное послание, главный смысл она поняла совершенно.

В её голове словно развернулся перевод сна. С той мертвой планеты, в безбрежной дали пространства и лет указующий перст завещал покорить звезды и никогда не останавливаться. Обуздать само бытие и стереть любое сопротивление. Навсегда, до конца времени. Кимо увидела в мыслях то, что не могла даже во сне. Образ той длани указующей. Она была из «живого металла».

Вид темного звездного неба разбудил в ней еще одну мысль. Небосвод над «планетой смерти» был полон огней. Буквально залит светом и панорамой звезд разной величины. Тогда это не казалось странным. Сейчас она хотела бы знать, в чем причина? Почему над нами великая тьма. И нет ли тут связи? Размышления вели слишком далеко. Кимо повернулась к двери и вызвала Олафа.

Поиск

«Всё идет по плану» – докладывает плохая разведка

5 февраля 2035, Станция «Содружество» – Луна – Объект

Нэш не спал всю ночь. Кроме случая с Кимо его беспокоила другая проблема. Проблема Капитанства. Впервые с момента вылета он чувствовал, что от его решений что-то по-настоящему зависит. Что от него ждут таких решений. Параметры задания до сего момента были в рамках учебника, плана, все риски ожидаемы. Его работа как командира экспедиции сводилась к личным отчетам и ритуалам за столом. Черт возьми, ему даже не приходилось отдавать ни одного приказа. Всё «Пожалуйста», да «будьте любезны», или решали по итогам обсуждения. Роль командира казалась яркой и почетной на Земле. Как же, «лицо и совесть экипажа».

В теории, его готовили принимать решения в экстремальной ситуации, когда речь идет о жизни и смерти. Только никакая теория не заменит и секунды реальной ответственности. «Почему мы не тренируемся в этом? Можно ли создать такую тренировку?» – спрашивал он себя. И сам же отвечал. «Чтобы научиться рисковать жизнями других, ими надо рисковать. Это подразумевает возможность ошибки. И расплаты». Нет. На такие тренировки Земля бы не пошла. Нэш бы тоже не пошел. Тогда. Сейчас же черный провал Объекта ждал. Безумие в голове Кимо рвалось наружу, а в надежности Берга и Натальи он просто не мог быть уверен. Олафа тоже, если уж на то пошло. Капитан ворочался на койке, мучительно понимая, что он толком не знает свою команду.

Полночные думы проходят. Наступает утро и время действовать. Хочешь не хочешь, положение обязывает. Он никому не покажет своих сомнений. А когда они вернутся на Землю, первым делом добьется разработки протокола. «Столкновение с неопознанными объектами в Космосе», или типа того. Об этом пишут столько книг и хоть бы одну инструкцию! С этой мыслью он вышел в технический отсек, где трое космонавтов уже приветствовали его в скафандрах с поднятыми визорами. Они просто встали и развернулись к нему. Тяжесть момента, или конструкция скафандра, или что-то еще, окрасили это действие по-особому. «Ave Caesar, morituri te salutant», – будто прочитала его мысли, конечно, улыбочивая ведьма Наталья. Ему осталось только кивнуть и встать перед ними со всей уверенностью, которой он не ощущал. Следом за ним вошли Вилье и Кимо. На китайянку он старался не смотреть. Надо собраться.⁶

– Вольно. – Капитан хотел разрядить обстановку. По иронии, даже если приказ и выполнили, в скафандрах этого не было видно. – Я не знаю, что каждый из Вас надеется там найти, но давайте мыслить разумно. Вопреки всему. – Если бы можно было кивнуть на Кимо затылком. Он бы это сделал.

– Мы выбрали курс и разработали план. Он должен быть исполнен. Кроме возможных технических срывов, остается главный вопрос. Что ждет нас в провале?

– За Входом. – Не удержался Олаф.

– За Входом. – Не стал спорить Нэш. – Вполне возможно, что ничего. Такие же ровные стены «живого металла». – Он решил, что бояться этих слов не стоит. Будет лишь хуже. – Вторая возможность, это «что-то». Не будем уходить в спекуляции. Пока для этого нет оснований. «Что-то», с чем мы ранее не сталкивались. Приказываю. – он сделал паузу, пробуя на вкус это слово. Он чувствовал, что сейчас оно нужно. Что сработает. – Производить разведку. Насколько это возможно, не предпринимать никаких действий, последствия которых вам не очевидны. Вилье даст мобильные зонды. Они должны идти впереди. Снимать, сохра-

⁶ «Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя» – лат.

нять, отправлять сюда информацию. Хотите посмотреть за угол? Пустите зонд. Хотите осветить что-то неясное? Зонд. Странные звуки? Вы поняли.

– Так точно. – серьезно ответил Берг, за что капитан был ему благодарен.

– Запасы кислорода с учетом резервных на луноходе – 12 часов. Возврат через 8 часов в любом случае. Повторяю, в любом случае. Раньше, если события выходят из-под контроля. Зонды потеряны или не справляются. Либо последствия продолжения не очевидны. Обнаружены новые данные? Отлично. Собираем, изучаем на базе, повторяем вылазку, если надо. Старший группы – Берг, его зам – Наталья. Вопросы?

Молчание. Затем Берг ответил за всех: «Вопросов нет». Капитан дал знак Кимо. После вчерашнего, она держала непроницаемое лицо и четко выполняла свои обязанности. Она по очереди подошла к каждому космонавту и сделала инъекцию стимулятора. Для этого у скафандров были специальные клапаны. Так что в случае травмы можно было легко делать инъекции прямо на поверхности Луны. Походная аптечка была у каждого на ремне. Эти меры были разработаны впервые для Станции. Ранее еще никогда не планировались активные и долгие действия в жесткой среде за пределами корабля. Травмы, разрывы скафандра, кровотечения. Освоение другой планеты – не стерильная пустота орбит. Потенциальные риски стремительно становились реальными, и Нэш радовался, что хоть здесь они были готовы.

– Прежде, чем мы выйдем. Еще одна вещь. – Капитан сразу напрягся, когда Наталья заговорила. – Мы обсудили с товарищами. – Она жестом обозначила Берга и Олафа. – В свете всех событий, может произойти что угодно. И мы настоятельно просим. Не спасать нас. Мы либо вернемся сами, либо никак. Тогда улетайте. Мы готовы быть героями, но гибель без смысла, когда даже не знаешь суть угрозы, никому не нужна. – Двое мужчин по бокам Натальи хмуро кивнули.

– Мисс Ланова. – Нэшу стало нравиться это обращение. Больше власти. – Разве мы вчера не обсудили подробно действия на случай чрезвычайных ситуаций?

– Обычных. Обычных ЧП, Капитан. И это всё в силе. И если мы запросим второй трос, какую-то понятную техническую помощь, конечно же, действуем по плану. Но как ты сам сказал. Если проблема не очевидна. Если последствия, – тут она сделала ударение, – вылазки за нами не очевидны. То сохраняйте материалы и улетайте. Никто не выиграет от гибели всей Станции.

Она так посмотрела на него, что стало ясно: они это хорошо продумали – сценарий общей гибели, слова излишни.

– На всякий случай уточню. Если мы просто пропали и не выходим на связь. То это уже очень неочевидная ситуация. После 12 часов – чудовищно неочевидная. Договорились? – Берг был дотошен.

– Ваши соображения справедливы и понятны. Действовать будем по обстановке. Держим постоянную связь, и желаю удачи. – Капитан должен был сказать последнее слово.

– Кроме мобильных зондов на месте «Входа» остался большой зонд наблюдения, которым управляла Наталья. Пока ничего необычного он не заметил, если что. – С этими словами Вилье подошел и закрепил на Луноходе маленькие гусеничные мобильные зонды. Они могли двигаться в любом положении – гусеницы были со всех сторон. Их быстро окрестили «колобками». Ясно, с чьей подачи.

Поисковая группа почти синхронно опустила визоры и закрыла дыхательные клапаны. Прошла внутренняя проверка подачи воздуха. Капитан много раз видел темные визоры скафандров. Но сейчас эти черные непроницаемые «лица» внушали ему дискомфорт. Словно за ними команда улыбается и строит ему презрительные рожи. «Боже, Нэш, откуда это в твоей голове?». Он испытал облегчение, когда команда спустилась в шлюз и села в кресла машины. За ними закрылся пол. Шлюз – название условное. Часть отсека, которая входила в непосред-

ственный контакт с поверхностью Луны и могла изолироваться от Станции. Иначе в безвоздушное пространство не выйти!

Обзор изнутри станции перешел на экраны. Средства связи и наблюдения сделали огромный шаг вперед с начала космической эры, что и говорить. Эффект присутствия и совмещенный видеоряд с каждого шлема делал положение оператора самым осведомленным. Мгновенная обработка данных давала ему более полный обзор, чем любому «на земле». Поэтому хороший оператор очень важен. Вилье был весьма хорош. В управлении данными. Совсем другое дело, принять решение на основе этой массы информации. Нэш не был уверен, что кто-то из них вообще достаточно хорош для того, что предстоит.

Снаружи Берг доложил, что трос закреплен на Луноходе. Машина пошла вперед. Управление луноходом было простым, как детской машинкой. В экстренном случае возможны были даже голосовые команды. Без тяжести Земли любой выход на поверхность казался веселой игрой. Появлялась своего рода эйфория от легкости бытия. В замкнутых отсеках Станции такого не было. Но стоило взрослому человеку попрыгать, как мечтал в детстве, и организм невольно пробирало на смех. Их учили с этим бороться. Малоэффективно. Тело привыкает долго. Ему смешно, ему радостно. Достаточно долго гулять по Луне для выработки привычки они не могли. Так что трое космонавтов приближались к провалу пещеры на Луноходе, будто сидя в кабинке парка аттракционов. Физиологическая эйфория глушила все разумные опасения. Колеса катились плавно, настроение улучшалось.

Первый момент волнения возник на краю пещеры, когда передние колеса зависли над провалом. Берг аккуратно управлял машиной и плавно сместил центр тяжести через край. Луноход медленно упал на стену. Трос выдержал. Люди были пристегнуты и теперь висели лицом вниз. На Земле такое было бы очень тяжело. Но здесь лишь продолжение аттракциона! Берг сообщил об успешном преодолении края и бережно повел машину по стене, плавно выпуская трос. Они погружались во тьму.

Тьма на Луне – особая история. Утром на нужной стороне светло так, что глаза слепит. Нет атмосферы, нет облаков, солнце жарит. Отсюда темные визоры. Но стоит потерять солнце из виду, как темнота падает стеной. Свет звезд – слабое утешение. На Луне, натурально, нет своей Луны, чтобы отражать свет. Нет городов, нет жизни, нет ничего. Поэтому если ты попал в зону тьмы, то она абсолютна. Один шаг из света в полную черноту. И они сделали этот шаг. Зажглись прожекторы. От веселья не осталось и следа.

Тысячи лет человек разгонял тьму огнем и не ждал отсюда ничего хорошего. Инстинкты опасности сильнее всех прочих. Команда ощутимо напрягалась по мере того, как медленно приближалось дно пещеры и маленькая искорка зонда. Скафандр держал температуру, но мозг каждого понимал, что вокруг очень темно и очень холодно. В такие моменты самый рациональный человек невольно задумается, что он здесь делает? Как хрупка его скорлупа. Как тонок материал, отделяющий его от холода мертвых планет. Берг был целиком занят плавным спуском. Зато у Натальи и Олафа было время подумать.

Швед видел, как тьма смыкается за спиной, где нет лучей прожектора. Свет бил узким лучом вперед. Для него это был первый выход вдале от Станции. Первый настоящий. Эмоции бились в кончиках пальцев. У него было время подумать, только он им не пользовался. Мысленно он спускался в логово дракона, чтобы поразить его и вернуться к людям. Что бы там ни было дальше, это погружение во тьму уже стоило саги!

В это время сердце Натальи билось ровно. Она тоже не ходила сюда раньше, хотя выбиралась чаще Олафа. Зонды справлялись, не было нужды. Человек слишком уязвим, чтобы лишний раз выходить на встречу с Космосом. Луна лишь формально планета. Нет атмосферы, слабое притяжение, звезды рукой подать. Ты всегда чувствуешь себя в Космосе. Просто на камне. В этой тьме, тем более. Она оглядывалась вокруг себя по привычке военного пилота. Ей очень, очень не хватало самолета вокруг. Самолета как оружия. Оружия! Вот чего не хватало

всей этой экспедиции. Остается молиться, чтобы они не встретили внизу ничего враждебного. «Авось пронесет» – хороший план. Мысленно она уже начала оценивать место и обстановку как поле боя. «Можно любить драться, можно не любить драться, но лучше уметь драться». Она хотела вернуться живым героем.

Луноход плавно спускался ко дну пещеры. Когда он замер, они впервые ощутили давление. Не воздуха – его не было. Давление темноты и холода. Когда ты смотришь, откуда пришел, а там уже нет ничего. Только трос, уходящий в никуда. Хорошо связь была в порядке.

– Да, Олаф, мы тоже это видим. – Прозвучал по общему каналу голос Вилье. – Понимаю, неудобно. Держитесь, мы с вами.

– Прямо как в пещере дракона! – ответил швед. – Или в логове чудовища...

«Или бы ты заткнулся», – Подумал Берг, а вслух сказал: «Олаф, подготовь мобильные зонды, пожалуйста».

«Колобки» издавали уютные журчащие шумы и немного скрашивали обстановку. Весело закрутившись, они выкатились на периметр вокруг группы. Космонавты взяли с лунохода мощные фонари и по сигналу Берга стали плавно спускаться в сторону Входа. По мере удаления от лунохода тьма становилась всё гуще. Машина уже казалась далекой, хотя они сделали всего несколько шагов.

– Капитан? – Внезапно вызвал Берг. – Я понимаю, что должен был сказать раньше. Но обстановка, она располагает к новой оценке рисков. Вторичное обрушение – мы должны учесть его.

– Поясни, – Нэш был на связи.

– Взрывом мы расчистили Вход, удалив лишнюю породу. Это не хирургия. Где порода потеряла цельность, она может потом «сползти» сама. Ну или даже небольшое лунотрясение – тут не редкость. В целом не опасно. Но если мы будем внутри...

– Почему ты не сказал об этом раньше?

– Если честно, потому что с этим мы ничего не можем поделать. А я хотел оказаться здесь.

– Ничего?

– Ничего, чтобы предотвратить. Если оно случится, и мы будем внутри, и на связи, то просто используйте зонды для создания прохода. Один из них прямо тут стоит, он зафиксирует обрушение. Подтвердит, что это не та ситуация, из «неочевидных», где мы просили...

– Я помню, Берг. Сейчас не до споров. Продолжайте. Да хранит вас Бог. – по голосу Капитана было видно, что такие откровения геолога его не радуют. Кому бы понравилось, когда им манипулируют.

Обычно бойкая Наталья сейчас шла молча. Волоски на шее у неё приподнимались. Мощный фонарь в руке двигался по стенам пещеры как меч, или как прицел светового оружия. Все её инстинкты охотницы напряглись. Пока нет повода. Но когда повод ясен, уже поздно напрягаться. Не до слов. Она ступала мягко, стараясь почувствовать почву лучше. Вдруг придется драться, или бежать. Противник неведом, но лучше готовиться напрасно, чем оказаться неготовым.

Группа медленно продвигалась в кольце «колобков». Вход нависал своей чернотой всё ближе. Пока лучи брали только пустоту. Породы рухнула не по линейке. По сути, образовалась пещера внутри пещеры, куда тоже надо было спуститься. На краю свежей насыпи реголита они замедлились.

– Вилье, направь «колобка» вперёд. Ищем границу грунта и Объекта. – Берг отвел руку в сторону, дав сигнал к остановке.

Один из колобков ускорился и скатился вниз по насыпи. Его световой маячок игриво поблескивал впереди, всё дальше и дальше. Наконец, остановился.

– Берг, есть контакт. Зонд находится на ровной металлической поверхности. Судя по всему, это «пол» Объекта. Сбор группы у колобка. Дальше вместе продолжаем.

Космонавты плавно спустились, поднимая за собой небольшие клубы лунной «пыли». Все сразу почувствовали черту, за которой начался Объект.

– Я чувствую, как наступила на магнит, – поделилась Наталья. Она хотела убедиться, что не одна это чувствует, – я не кусок железа, но вы понимаете? Словно Объект притягивает. Не сильно, но ощутимо.

– Да, чувствую, будто тяжесть возвращается, – ответил Олаф.

– Подтверждаю, – просто передал Берг.

– Момент, считываю показания зондов, – прозвучал голос Вилье. – Рано судить, но похоже... Похоже это, действительно, искусственная гравитация! Не знаю, как это возможно, но ваши ощущения это реально другая тяжесть. Невероятно!

– Согласен. Но считаю, что это не переходит в разряд «последствия неочевидны». Надо продолжать, – не дожидаясь ответа, Берг пошел вперёд на мигающий свет коlobка.

– Подожди, – окликнула его Наталья, – здесь достаточно много места. Предлагаю построение. Чтобы не быть одной мишенью...

Берг остановился. Она могла догадываться, какие чувства борются в нем. «Опять самая умная», «ведьма» и пр. Но вокруг смыкались стены неведомого, она верила, что специалист возьмет верх в душе немца. И не ошиблась.

– Соглашусь, – после паузы ответил Берг, – Это соответствует и теоретическим горным рискам. Разомкнитесь влево и вправо на пару метров, я буду на острие пирамиды. Вилье, разведи зонды соответственно, – он развернулся и медленно пошел дальше. Очевидно, считая, что уж такую простую команду его товарищи смогут выполнить сами.

– Продвигайтесь дальше и докладывайте о своих ощущениях. Иначе мы и про гравитацию не узнали бы, – раздался голос Капитана.

Продвижение возобновилось. В голове Натальи чувство опасности нарастало, как снежный ком. Невысказанные, невыраженные риски кололи её изнутри. Широкий коридор, ни одного укрытия. «Сидячая утка, живая мишень» – всё равно, что идти голыми. Искусственная гравитация... на что еще они способны? Что впереди были «они», её чувства не сомневались. Только глупец мог бы дальше придерживаться версии «естественного объекта». А если у них есть оружие? Боже, у них точно есть оружие! В отличие от нас. Каждый шаг она хотела рвануть назад, но вроде бы не было повода. Все эти мысли роились в голове одновременно. Она боялась открыть рот. Боялась, что не заткнется.

– Вилье. Если говорить о чувствах, то мои кричат о том, что это чужая раса. Что они не умерли, а, в лучшем случае, «спят». Гравитация тому лучшее подтверждение, – сжав зубы, она старалась высказаться строго по делу, – Анализируй данные, как если мы идем по территории врага. Живого врага.

– Должен заметить, что опасения не вполне основательны. Так или иначе, этот «живой враг» тихо сидел миллионы лет, – спокойно отвечал в эфире Берг.

– Но теперь всё изменилось, – с неуместным весельем сказал Олаф, – Мы пришли, – Наталья с Бергом молча переглянулись бы, если бы не скафандры. В то же время, устами викинга...

Станция никак не комментировала и некоторое время они плавно продвигались в тишине, высвечивая стены фонарями. Стены тускло поблескивали, что было бы удивительно при любом другом раскладе. Но сейчас «живой металл» был почти в порядке вещей. Наталья обернулась. Большой зонд еще был виден вдали у Входа и мигал маячком, будто на прощание. Свет лунохода также не пропал. Это немного успокоило.

– Вилье, что показывают коlobки? – Берг прервал тишину. Ненадолго. Ответа не последовало, – Вилье? Прием? – по инерции они продолжали двигаться вперёд, но шаги замедлялись сами собой.

Когда Вилье не отозвался в третий раз, группа остановилась. Не нужна была и команда. А вот коlobки – нет. Вернее, один остановился и замер позади группы. Другой поехал к стене,

пока не уперся. А вот третий. Третий продолжил двигаться прямо. В темноту. Космонавты зачарованно смотрели вслед красному огоньку, который мигал всё дальше и дальше. Пока не скрылся из виду. Впоследствии, когда они вспоминали этот момент, каждый про себя, они находили его самым жутким во всей вылазке. Устройство, призванное оберегать и защищать тебя, вдруг обретает свой нрав и исчезает во тьме. Безвозвратно.

Наталья первая начала круговой осмотр, выставив фонарь, как винтовку, перед собой. Зонд у Входа вдруг показался бесконечно тусклым и далёким. Подавив приступ паники, она обратилась к товарищам.

– Берг, ты меня слышишь?

– Да, внутренняя связь, очевидно, в порядке. Олаф?

– Слышу. Ваша оценка обстановки?

– Очевидно, что-то прервало связь между нами и Станцией. Считаю, что мы зашли в зону «неочевидного» и пора возвращаться, – спокойно анализировал Берг. – Олаф, забери, пожалуйста, колобок позади тебя.

– В целом, я совершенно согласна, – горячо поддержала Наталья, – Буквально минуту на осмотр места! – Быстрыми шагами, она ближе подошла сначала к одной стене, потом к другой, очень аккуратно, не отдаляясь от Входа. – Сюда!

Наталья позвала товарищей к левой стене, делая знаки также не удаляться от Входа. Пока они шли, в эфире уже звучал её голос.

– Так и знала. Если всё вдруг резко меняется, значит, есть граница. Точка перехода. Что-то особенное, знак, линия. Символ.

Когда мужчины подошли к стене, они тоже поняли. Как если бы луча света было мало, и надо было физически приблизиться, чтобы увидеть. На стене, излучая могильный изумрудный свет, путникам открылись... руны? Другого слова подобрать сразу никто не смог. Буквы, пиктограммы или знаки чужой сигнальной системы словно прожигали себя на сетчатке. Хотелось отвернуться, смотреть боковым зрением, а лучше вовсе уйти куда подальше. Берга откровенно мучило всё больше по мере приближения к стене. Он остановился. За его спиной, с гулким стуком, на пол рухнул Олаф.

– Олаф! Что с тобой? – Наталья уже отвернулась от рун и заметила первой. Инстинктивно она развернулась спиной к стене и присела, стреляя фонарем по сторонам. Первая мысль: «Нападение!». Но секунды шли, противник не появлялся. Она переключила внимание на Берга – тот словно завис, наблюдая за рунами и даже не повернулся.

– Берг! – Она силой развернула его к себе. – Очнись! Олаф в отключке, – она надеялась, что в отключке. За темным визором Берга ничего не было видно. Паника толкнулась в горле Натальи, когда она представила, что вокруг неё уже два болванчика с тёмными стеклами вместо лица. Просто удивительно, что враги не берут их тёплыми! Она сглотнула и дала выход нервам: врезала по шлему Берга что есть силы. Помогло.

– Ты нормальная!? Я на секунду отвлекся на руны, сама же звала... Что стряслось? – Вместо ответа Наталья развернула его шлем на расprostертого Олафа. Осветила его фонарем для полной ясности. Берг несколько мгновений ничего не говорил. Затем словно включился своим обычным спокойным голосом.

– Вызови биометрию, скафандры должны показывать, – условными движениями глаз, он переключил режим своего шлема, – Олаф жив. У него судорога, или спазмы. Скорее всего, без сознания. Практически, неважно. Надо его тащить, уходим.

Легче сказать, чем сделать. Олаф был здоровым мужиком, скафандр весил все пятьдесят килограмм сверху. Никто не помянул добрым словом особую гравитацию Объекта. Каждый из них и так держал вес своего скафандра, еще фонари, еще колобок на поясе Олафа... Наталья быстро нашла на спине скобы для транспортировки космонавта. Удивительно, что хоть к этому снаряжение было готово. Кое-как, вдвоем с Бергом, они уцепились за скобы и могли волочить

шведа по земле, чуть приподняв корпус. Очень медленно и с большим трудом. Тяжелое дыхание заполняло эфир. Впервые за время экспедиции, пот стал заливать глаза. Путь назад казался бесконечным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.